

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
31 January 2020
Russian
Original: English

Совет по правам человека

Сорок третья сессия

24 февраля – 20 марта 2020 года

Пункт 4 повестки дня

**Ситуации в области прав человека,
требующие внимания со стороны Совета**

Доклад Комиссии по правам человека в Южном Судане* **

Резюме

Комиссия по правам человека в Южном Судане с глубокой обеспокоенностью отмечает сохраняющееся отсутствие у подписавших Обновленное соглашение об урегулировании конфликта в Южном Судане сторон политической воли для добросовестного осуществления ключевых положений Соглашения, которое позволило бы сформировать новое переходное правительство национального единства. Политическая элита по-прежнему закрывает глаза на непомерные страдания миллионов гражданских лиц, за которых она якобы борется. Ни Межправительственный орган по вопросам развития, ни Африканский союз, будучи посредниками и гарантами Соглашения, не смогли оказать решительного влияния на стороны. Несмотря на то, что региональные усилия привели к продлению предпереходного периода, государства часто преследовали разные цели в отношении Южного Судана. После того, как в мае и ноябре 2019 года истекли первые два установленных крайних срока, и в преддверии третьего остаются нерешенными следующие вопросы: подготовка и развертывание необходимых объединенных сил, определение количества штатов и границ, реструктуризация Совета штатов и принятие законопроекта о внесении поправок в Конституцию.

Кроме того, правительственные силы продолжили принудительную вербовку мужчин и мальчиков в свои ряды в рамках широкомасштабных кампаний в штатах Вараб, Западный Бахр-эль-Газаль и Эль-Вахда, в то время как оппозиционные силы принудительно вербовали мужчин и мальчиков в штатах Эль-Вахда и Центральная Экватория. Боевые действия с участием Народных сил обороны Южного Судана, местных ополченцев и Национального фронта спасения, не подписавшего Обновленное соглашение, продолжались также в отдельных очагах напряженности, включая Йей и Лобонок (Центральная Экватория) и Майвут (Верхний Нил). Случаи вооруженных столкновений подтвердили сохраняющуюся угрозу миру и безопасности, а также срочную необходимость комплексного решения вопросов,

* На основании достигнутой договоренности настоящий доклад издается позднее предусмотренного срока его публикации в связи с обстоятельствами, не зависящими от представляющего доклад лица.

** Приложения к настоящему докладу распространяются в полученном виде только на том языке, на котором они были представлены.

касающихся привлечения к ответственности, укоренившейся безнаказанности и вооружения местных ополченцев и групп сопротивления.

Вдобавок к хрупкости установленного на национальном уровне мира усилилась локальная и зачастую имеющая этнический оттенок напряженность, что привело к увеличению числа жертв среди гражданского населения почти на 200% по сравнению с 2018 годом. В период с конца февраля по май 2019 года Миссия Организации Объединенных Наций в Южном Судане зарегистрировала около 531 погибшего и 317 раненых в 152 случаях насилия на местах. Серьезную обеспокоенность вызывают жестокие нападения, часто связанные с угоном скота, в которых участвуют сотрудники государственного аппарата или Народно-освободительная армия Судана в оппозиции (сторонники Риека Мачара) (НОАС-ВО(РМ)) и которые приводят к перемещению населения в пугающих масштабах, в том числе в штатах Западный Бахр-эль-Газаль, Эль-Вахда и Джонглей.

Сексуальное и гендерное насилие, включая связанное с конфликтом сексуальное насилие, по-прежнему широко распространены и характеризуются хорошо узнаваемой практикой террора и угнетения, используемой в качестве тактики ведения войны. Обстановка для женщин и девочек в Южном Судане остается ненадежной и смертельно опасной, поскольку никто не гарантирует их физическую неприкосновенность. Серьезной проблемой остаются отрицание и стигматизация, усугубляемые отсутствием ответственности за сексуальное и гендерное насилие.

В то же время более 55% гражданских лиц по всей стране, главным образом женщины и дети, сталкиваются с острой проблемой отсутствия продовольственной безопасности из-за умышленного создания препятствий гуманитарной помощи, которую пытаются предоставить различные стороны, климатических факторов и крупномасштабного перемещения в результате конфликта.

Были растрочены миллионы долларов из Национального налогового управления, что привело к истощению ресурсов, которые можно было бы использовать для защиты, осуществления и поощрения жизненно важных экономических, социальных и культурных прав миллионов уязвимых гражданских лиц. Подобная растрата государственных средств может быть равносильна экономическим преступлениям.

Острая нехватка продовольствия в сочетании с отсутствием доступа к основным услугам, включая водоснабжение и образование, привели к тому, что значительные слои населения оказались полностью лишены своих законных прав и слишком озабочены повседневным выживанием, чтобы эффективно участвовать в общественной жизни.

Систематическое отрицание основных прав и свобод, включая открытые угрозы со стороны правительственных сил в адрес журналистов, активистов, правозащитников и политических диссидентов, еще сильнее вредит участию в общественной жизни и нарушает свободу слова, выражения мнений и собраний. Национальная служба безопасности по-прежнему играет ключевую роль в подобной цензуре, прибегая к слежению, притеснениям и произвольным задержаниям.

Более 1,4 млн гражданских лиц по-прежнему находятся в положении внутренне перемещенных лиц, томятся в лагерях, не способных удовлетворить их основные потребности, и страдают от нехватки гуманитарной помощи. Кроме того, в результате конфликта около 2,2 млн человек стали беженцами и просителями убежища. За более чем шесть лет государство мало что сделало для облегчения страданий перемещенных лиц. Вместе с тем Комиссия признает, что прекращение крупных боевых действий действительно привело к добровольному возвращению десятков тысяч внутренне перемещенных лиц и беженцев в свои дома.

Коррупция, хищения, задержки с формированием нового переходного правительства национального единства и непредоставление услуг уязвимым группам населения по всей стране совпали с укреплением правительством президента Сальвы Киира своих вооруженных сил и усилением политического и военного контроля. Хрупкая власть государства поддерживается также путем

инструментализации локальных конфликтов и подавления основных прав и свобод, что вносит дальнейший раскол в этнические общины, воспринимаемые как диссидентские, и свидетельствует о настоятельной необходимости поощрения государством общей национальной идентичности.

Гражданских лиц в сегодняшнем Судане намеренно морят голодом и лишают возможности высказаться, они подвергаются систематической слежке, произвольным арестам и задержаниям и лишаются реального доступа к правосудию. Возмещение ущерба за эти нарушения и связанные с ними преступления является непременным условием устойчивого мира и безопасности, которое останется недостижимым, если все стороны конфликта, при поддержке международного сообщества, не будут уделять первоочередного внимания нуждам гражданских лиц, выполнять свои международные обязательства и осуществлять без дальнейшего промедления положения Обновленного соглашения об урегулировании конфликтов в Южном Судане, в частности в том, что касается механизмов правосудия переходного периода и смешанного суда для Южного Судана.

Содержание

	<i>Стр.</i>
I. Введение	5
II. Методика.....	6
III. Изменения в области политики и безопасности.....	6
A. Осуществление Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Южном Судане	6
B. Санкции	9
C. Продолжающийся конфликт и повстанческие группы сопротивления	9
IV. Положение в области прав человека	9
V. Экономические, социальные и культурные права	11
VI. Вербовка и использование детей в вооруженном конфликте	14
VII. Локальные конфликты.....	18
VIII. Голод	20
IX. Сексуальное и гендерное насилие	20
X. Продолжающееся ущемление основных прав и свобод	21
XI. Выводы.....	21
XII. Рекомендации	22
 Приложения	
Annex I Maps.....	26
Annex II Additional findings.....	30
Annex III Applicable law.....	50
Annex IV Armed State actors (command structures).....	57
Annex V Armed non-state actors (estimated deployment until 31 December 2019).....	62

I. Введение

1. В своей резолюции 31/20 Совет по правам человека учредил Комиссию по правам человека в Южном Судане на срок в один год. Комиссия представила свой первый доклад Совету на его тридцать четвертой сессии (A/HRC/34/63).
2. В своей резолюции 34/25 Совет по правам человека продлил мандат Комиссии еще на один год и просил ее продолжать осуществлять мониторинг и информировать о положении в области прав человека в Южном Судане, выносить рекомендации, направленные на недопущение дальнейшего ухудшения ситуации и предоставлять руководящие указания по вопросам правосудия переходного периода, в том числе по вопросам примирения.
3. Совет по правам человека просил также Комиссию устанавливать факты и обстоятельства, собирать и сохранять доказательства и уточнять ответственность в связи с предполагаемыми грубыми нарушениями и ущемлениями прав человека и связанными с ними преступлениями, включая акты сексуального и гендерного насилия и этнического насилия, и сообщать о них в целях пресечения безнаказанности и обеспечения привлечения к ответственности. Совет далее просил Комиссию обеспечить доступность такой информации для всех механизмов правосудия переходного периода, в том числе тех из них, которые должны быть созданы в соответствии с главой V Соглашения об урегулировании конфликта в Республике Южный Судан, включая смешанный суд для Южного Судана, как только он будет создан в сотрудничестве с Африканским союзом¹.
4. В своей резолюции 37/31 Совет по правам человека продлил мандат Комиссии сроком на один год и еще на один год в своей резолюции 40/19. В настоящее время членами Комиссии, назначенными Председателем Совета, являются Ясмин Соока (Председатель), Эндрю Клаффам и Барни Афако.
5. Комиссия работает при поддержке секретариата, находящегося в Джубе. Комиссия совершила поездки в несколько населенных пунктов на территории Южного Судана, включая Акобо (Джонглей), Акоюо (Западный Бахр-эль-Газаль), Бентиу (Эль-Вахда), Бор (Джонглей), Геди (Западный Бахр-эль-Газаль), Лури (Центральная Экватория), Куаджена (Западный Бахр-эль-Газаль), Куаджок (Вараб), Манкиен (Эль-Вахда), Пибор (Джонглей), Рокрокдонг (Западный Бахр-эль-Газаль), Вау (Западный Бахр-эль-Газаль) и Йей (Центральная Экватория). Она также совершила поездки в Аддис-Абебу, Кампалу и Энтеббе (Уганда), Найроби, Каир и Европу (точное место не указывается). Комиссия встретила с целым рядом потерпевших, свидетелей, государственных должностных лиц, представителей гражданского общества и других заинтересованных сторон. Кроме того, она организовала семинар по вопросам правосудия переходного периода в Аддис-Абебе в период с 16 по 18 декабря 2019 года и еще один семинар по вопросам сексуального и гендерного насилия, который состоится в Кампале в феврале 2020 года.
6. За срок действия нынешнего мандата Комиссия собрала подробные свидетельские показания 216 отдельных лиц и получила свыше 3 340 документов, включая конфиденциальные отчеты, касающиеся событий в Южном Судане, произошедших с декабря 2013 года. Все собранные доказательства сохраняются в конфиденциальной базе данных и архивах Комиссии.
7. Комиссия выражает свою признательность правительству Южного Судана за содействие в проведении ее миссий и благодарит правительства Эфиопии, Уганды и Кении за сотрудничество в ходе ее миссий в эти государства. Она также высоко оценивает помощь и вклад Миссии Организации Объединенных Наций в Южном

¹ Во исполнение своего мандата Комиссия осуществляет сбор и хранение доказательств в базе данных и каталогизирует их по уникальному регистрационному номеру доказательства (УРНД). Эти номера упоминаются в настоящем докладе, с тем чтобы государства могли использовать их при запросе доказательств.

Судане (МООНЮС), учреждений Организации Объединенных Наций, организаций гражданского общества и экспертов.

II. Методика

8. Комиссия представляет настоящий доклад Совету по правам человека в соответствии с резолюцией 40/19 Совета. Основное внимание в докладе Комиссия уделяет установлению фактов и обстоятельств событий, произошедших в период между подписанием Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Южном Судане в сентябре 2018 года и декабрем 2019 года.

9. С учетом того, что в мандате делается упор на привлечение к ответственности, Комиссия также уделила внимание установлению ответственности за нарушения и выявлению лиц, совершивших эти нарушения и преступления. Для прояснения ответственности за международные преступления, в частности ответственности командиров или других начальников в соответствии с международным правом, Комиссия стремилась выявить структуры командования, модели поведения и показатели контроля и дисциплины.

10. Установление фактических обстоятельств конкретных событий и моделей поведения легло в основу правовой квалификации нарушений прав человека, преступлений, предусмотренных законодательством Южного Судана, и, в соответствующих случаях, международных преступлений, включая военные преступления и преступления против человечности.

11. В качестве критерия допустимости доказательств Комиссия использовала принцип наличия «разумных оснований полагать». В своей работе Комиссия исходила из требования в отношении сбора и сохранения доказательств в соответствии со стандартом, который будет использоваться для поддержки будущих механизмов привлечения к ответственности, включая уголовную ответственность.

12. В тех случаях, когда Комиссия находила информацию, указывающую на связь предполагаемых правонарушителей с конкретными нарушениями или систематической практикой нарушений, достаточную для возбуждения в будущем уголовных расследований или судебного преследования, такая информация сохранялась на строго конфиденциальной основе. В некоторых случаях для выявления лиц, ответственных за нарушения, отсутствовала достаточная информация; в таких случаях в качестве ответственных указывались вооруженные силы или вооруженные группы, к которым принадлежали эти лица.

13. Комиссия использовала передовые методы установления фактов, направленные на обеспечение защиты, безопасности, конфиденциальности и благополучия свидетелей. Соответственно в доклад была включена только та информация, в отношении которой источники дали осознанное согласие и разглашение которой не могло бы привести к идентификации источников или причинению им вреда. Комиссия благодарит потерпевших и свидетелей, поделившихся с ней информацией, и в любых обстоятельствах руководствуется принципом непричинения вреда.

III. Изменения в области политики и безопасности

A. Осуществление Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Южном Судане

14. В соответствии с Обновленным соглашением об урегулировании конфликта в Южном Судане от сентября 2018 года президент Сальва Киир и исполняющий обязанности вице-президента Риек Мачар договорились сформировать к маю 2019 года новое переходное правительство национального единства; однако невыполнение ключевых положений, в том числе касающихся обеспечения безопасности и государственных границ (см. пункты 17–19 ниже), привело к

продлению этого срока 3 мая на шесть месяцев при содействии Межправительственного органа по вопросам развития (МОВР). По приглашению президента Киира 9 и 11 сентября 2019 года оба лидера встречались в Джубе для обсуждения нерешенных вопросов. Однако они не смогли достичь компромисса.

15. 7 ноября президент Йовери Мусевени (Уганда) созвал трехсторонний саммит, в котором приняли участие председатель Суверенного совета генерал Абдель Фаттах аль-Бурхан (Судан), посланник Калонзо Мусиока (Кения), а также президент Киир и исполняющий обязанности вице-президента Мачар. Цель этой встречи заключалась в том, чтобы предотвратить кризис, ставший под угрозу перемирие, и поддержать формирование обновленного переходного правительства национального единства. По итогам саммита предпереходный период был продлен на 100 дней – с 12 ноября 2019 года по 22 февраля 2020 года, что дает больше времени, в частности, для решения незавершенных важнейших задач, связанных с обеспечением безопасности, включая формирование переходного правительства².

16. Одним из способов выхода из тупика является заключение соглашения о количестве и границах штатов, от которых, в конечном итоге, будет зависеть распределение власти в стране. Решение этого вопроса будет иметь ключевое значение для обеспечения безопасности столицы Джубы, создания единой армии, реорганизации Совета штатов и принятия законопроекта о внесении поправок в Конституцию в дополнение к другим законам в области безопасности, рассмотренным Комитетом по поправкам к Национальной конституции³.

1. Расквартирование

17. Расквартирование, регистрация, проверка, отбор, подготовка и передислокация бойцов в целях формирования необходимых объединенных сил – объединенной армии численностью 83 000 военнослужащих (см. приложение I, карта 1) – являются краеугольным камнем Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Южном Судане. За рассматриваемый период не было достигнуто существенного прогресса⁴. К началу ноября регистрация проводилась в 24 из 25 функционирующих пунктов расквартирования, предназначенных для оппозиционных сил, а также во всех 10 казармах Народных сил обороны Южного Судана (НСОЮС)⁵. Кроме того, в обозначенных местах расквартирования и бараках было зарегистрировано около 69 000 человек из 83 000, требуемых для формирования необходимых объединенных сил, хотя они все еще ожидают проверки, отбора, подготовки и передислокации. Важнейшим фактором успеха процесса проверки, отбора и подготовки является надлежащее финансирование. Однако, учитывая невыполнение правительством

² К 12 ноября 2019 года должно были быть завершены в общей сложности 63 мероприятия предпереходного периода. В начале ноября было завершено только 31 из них, еще 22 находились на стадии реализации, а 10 еще не были начаты. См. доклад о ходе осуществления Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Республике Южный Судан за период с 1 июля по 30 сентября 2019 года (имеется по адресу <https://jmecsouthsudan.org/index.php/reports/rjmec-quarterly-reports/155-rjmec-quarterly-report-to-igad-on-the-status-of-implementation-of-the-r-arcss-from-1st-july-to-30th-september-2019/file>), п. ii.

³ Там же.

⁴ Необходимые объединенные силы в разбивке по категориям: военные (35%) – 29 050 человек; Национальная служба безопасности (10%) – 8 300 человек; национальная полиция (8%) – 6 640 человек; полиция штатов (26%) – 21 580 человек; Служба охраны дикой природы (7%) – 5 810 человек; Тюремная служба (10%) – 8 300 человек; и пожарная служба (4%) – 3 320 человек, что составляет в общей сложности 83 000 человек. Это число не включает Службу по охране старших должностных лиц, в состав которой, по оценкам, должны войти 3 000 человек.

⁵ См. доклад о ходе осуществления Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Республике Южный Судан за период с 1 июля по 30 сентября 2019 года, стр. ii текста на языке оригинала; см. также доклад о ходе осуществления Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Республике Южный Судан за период с 1 января по 31 марта 2019 года (имеется по адресу www.jmecsouthsudan.com/index.php/reports/rjmec-quarterly-reports/133-rjmec-quarterly-report-to-igad-on-the-status-of-implementation-of-the-r-arcss-from-1st-january-2019-to-31st-march-2019/file), стр. iv текста на языке оригинала.

своего обещания выделить 100 млн долл. США на поддержку этого процесса и других механизмов безопасности, большинство гарнизонов не имеют надлежащего доступа к водоснабжению, продовольствию или медицинским услугам, и условия жизни в них являются плачевными. Была также выражена обеспокоенность по поводу близости этих объектов к гражданскому населению, в особенности к женщинам и девочкам (см. приложение II, пункт 49).

2. Административные границы

18. В октябре 2015 года президент Киир в одностороннем порядке объявил о формировании в Южном Судане 28 штатов вместо первоначальных 10⁶ и о создании еще 4 штатов в январе 2017 года, в результате чего их общее число достигло 32⁷. Демаркация президентом Кииром 32 штатов привела к усилению напряженности в отношении доступа к природным ресурсам, поскольку она фактически обеспечила этнической группе динка, к которой принадлежит президент, контроль над ценными ресурсами, в особенности над нефтью. Действия президента воспринимаются многими, в том числе народами фертит и луо (Западный Бахр-эль-Газаль), шиллук (Верхний Нил) и жителями Экватории, как махинации в интересах динка.

19. 28 февраля 2019 года при поддержке Специального комитета Африканского союза высокого уровня по Южному Судану, в состав которого входят назначенные Исполнительным секретарем МОВР представители Алжира, Нигерии, Руанды, Чада и Южной Африки, начала работу Независимая комиссия по границам⁸. Комиссия рассмотрела вопрос о количестве штатов и их границах, а также о составе и реорганизации Совета штатов⁹, однако не смогла достичь консенсуса или получить поддержку по крайней мере семи членов¹⁰.

20. Хотя Комитет по поправкам к Национальной конституции представил министру юстиции и конституционных вопросов новый проект конституции в апреле 2017 года, он все еще находится на рассмотрении. Кроме того, к концу января 2018 года Комитет завершил работу над пятью законопроектами о поправках к законам в области безопасности, в том числе к Закону о Народно-освободительной армии Судана (2009 года), Закону о национальной безопасности (2014 года), Закону о полицейской службе (2009 года), Закону о тюремной службе (2011 года) и к Закону о Службе охраны дикой природы (2011 года), хотя на момент подготовки настоящего доклада ни один из них не был принят¹¹. В рассматриваемый период Комитет также приступил к пересмотру Закона об управлении государственными финансами и подотчетности (2011 года), Закона о национальной счетной палате (2011 года) и Закона об Антикоррупционной комиссии Южного Судана (2009 года)¹². В этих законах затрагивается ряд вопросов, имеющих отношение к правам человека, верховенству права и демократическому управлению, в то время как поправки призваны обеспечить справедливый и инклюзивный прием на работу и подотчетность.

21. Комиссия с обеспокоенностью отмечает, что положения Обновленного соглашения выполняются подписавшими его сторонами абсолютно формально, «для галочки». Учитывая подобное отсутствие политической воли, из-за которого в рассматриваемый период был достигнут лишь минимальный прогресс, только конструктивное и добросовестное участие будет способствовать достижению целей, закрепленных в Обновленном соглашении.

⁶ Указ № 36/2015 от 2 октября 2015 года.

⁷ Указ Республики № 02/2017 от 14 января 2017 года.

⁸ В соответствии со статьей 1.15.1 Обновленного соглашения.

⁹ Там же, статья 1.15.7.

¹⁰ Там же, статья 1.15.9.

¹¹ Кроме того, в рассматриваемый период Комитет по поправкам к Национальной Конституции разработал проект Закона о национальной пожарной службе (2019 год).

¹² См. доклад о ходе осуществления Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Республике Южный Судан за период с 1 июля по 30 сентября 2019 года, стр. 6 текста на языке оригинала.

В. Санкции

22. Санкции, главным образом со стороны Соединенных Штатов Америки, сохраняются в качестве средства обеспечения соблюдения стандартов в области прав человека и осуществления Обновленного соглашения. В сентябре и декабре 2017 года Соединенные Штаты объявили о введении целенаправленных санкций в отношении четырех должностных лиц Южного Судана за их действия, создающие угрозу миру, безопасности и стабильности в Южном Судане¹³. В рассматриваемый период Соединенные Штаты наложили санкции еще на восемь граждан Южного Судана, включая первого вице-президента Табана Денг Гаи, за предполагаемую причастность к нарушениям и ущемлениям прав человека и за «воспрепятствование процессу примирения и мирных переговоров»¹⁴.

С. Продолжающийся конфликт и повстанческие группы сопротивления

23. Комиссия по-прежнему обеспокоена отсутствием государственного аппарата на значительной части территории Южного Судана, что не только усугубляет страдания гражданского населения из-за неэффективного предоставления услуг, но и позволяет группам сопротивления и оппозиции взять власть под свой контроль. Отсутствие государства в подобных условиях привело к серии вооруженных столкновений в рассматриваемый период.

24. Боевые действия с участием НСОЮС, местных ополченцев и Национального фронта спасения (члена Альянса оппозиционных движений Южного Судана) продолжались в очагах напряженности, включая Йей и Лобонок (Центральная Экватория) и Майвут. С ноября 2018 года Национальный фронт спасения и Объединенный фронт Южного Судана, не подписавшие Обновленное соглашение об урегулировании конфликта в Южном Судане, продолжили воевать с правительственными силами в Экватории. В то время как части штата Центральная Экватория контролировалась членами Национального фронта спасения и Народно-освободительной армии Судана в оппозиции (сторонники Риека Мачара) (НОАС-ВО (РМ)), остальная его территория оставалась под контролем правительственных сил. Раздробленность вооруженных субъектов на территории Большого Верхнего Нила и Центральной Экватории также провоцировала насилие и нарушения прав человека, включая связанное с конфликтом сексуальное насилие.

IV. Положение в области прав человека

25. Результатом многолетнего вооруженного конфликта до обретения Южным Суданом независимости стала разделенная страна, в которой хищная и ни перед кем не несущая ответственности политическая элита ведет ожесточенную борьбу за власть и ресурсы в ущерб безопасности и благополучию своих граждан. Все это привело к катастрофическому ухудшению положения в области прав человека на всей территории Южного Судана, характеризующемуся намеренным обречением населения на голод, самым масштабным в Африке кризисом беженцев и внутренне перемещенных лиц и сексуальным и гендерным насилием. Повышение роли органов государственной безопасности, сеющих страх и террор среди граждан, лишенных своих основных прав человека, стало нормой, равно как и применение пыток,

¹³ См. документ зала заседаний, содержащий основные выводы Комиссии (A/HRC/40/CRP.1), с которым можно ознакомиться на веб-странице Комиссии по адресу www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/CoHSouthSudan/Pages/Index.aspx.

¹⁴ См. пресс-релизы Министерства финансов Соединенных Штатов Америки «Treasury Sanctions Individuals for Roles in Atrocities and Other Abuses», 10 декабря 2019 года, «Treasury Sanctions Two Senior South Sudanese Officials for Obstructing Reconciliation Efforts», 16 декабря 2019 года, и «Treasury Sanctions South Sudanese First Vice President for Role in Serious Human Rights Abuse», 8 января 2020 года.

запугивание, незаконные или произвольные задержания и насильственные исчезновения.

26. Правительственные силы несут ответственность за большинство нападений на гражданских лиц в рассматриваемый период, включая мародерство, связанное с конфликтом сексуальное насилие и другие формы сексуального и гендерного насилия, произвольные аресты и задержания, ущемление свободы мнений и их выражения и свободы собраний, вербовка и использование детей в вооруженных силах и произвольные ограничения в отношении гуманитарной помощи в нарушение международного права прав человека и международного гуманитарного права. Вооруженные группы также несут ответственность за серьезные нарушения международного права прав человека и международного гуманитарного права, в том числе за вербовку и использование детей.

27. После обретения независимости Южный Судан погряз в этническом конфликте, практически не вкладывая средств в государственное строительство и развитие инфраструктуры страны. Укоренившаяся и системная коррупция является самым большим препятствием на пути к миру и стабильности. Недостаточный институциональный потенциал для предоставления самых основных услуг, ожидаемых от функционирующего и подотчетного правительства, подрывает жизнеспособность государства. Глубоко укоренившаяся безнаказанность проявляется в отсутствии ответственности за серьезные преступления, непринятии мер для создания механизмов правосудия переходного периода, уделении первоочередного внимания со стороны государства финансированию военного аппарата и служб безопасности, а не инвестициям в сектор государственных услуг, инфраструктуру и средства к существованию, и работорговле, сопровождающейся экономическими преступлениями, включая коррупцию и хищения, и серьезно ослабляющем функциональные возможности государства.

28. Хотя во внутреннем законодательстве и международных договорах, к которым добровольно присоединился Южный Судан, содержатся ключевые гарантии защиты прав человека и поощрения ответственности, эти положения не соблюдаются и не осуществляются в достаточной степени. Отсутствие эффективных правоохранительных органов привело к дестабилизации обстановки в плане обеспечения защиты и безопасности, и поэтому в отчетный период по-прежнему возникали проблемы с привлечением к ответственности за особо тяжкие и другие преступления. Система судов статутного права в Южном Судане по-прежнему не пользуется доверием среди граждан. Отсутствие необходимой инфраструктуры, ресурсов и потенциала еще больше ослабило способность государства обеспечить гражданскому населению доступ к реальному правосудию. На конфиденциальном совещании 20 августа Комиссия узнала, что незанятые должности судей и невыплата заработной платы парализуют работу ряда судов, в том числе в Джубе.

29. В Боре (Джонглей) и Бентиу (Эль-Вахда) широкое использование судов обычного права, не уполномоченных рассматривать серьезные уголовные дела, не соблюдающих процессуальные гарантии и демонстрирующих глубоко укоренившуюся в культуре предвзятость по отношению к женщинам и девочкам, также препятствует реальному доступу к правосудию. Тем не менее введенная в октябре 2018 года и поддерживаемая Организацией Объединенных Наций система выездных судов улучшила доступ к правосудию по меньшей мере в 10 населенных пунктах¹⁵.

30. Дополнительные инициативы, направленные на устранение серьезных пробелов в судебной системе, включали формирование специализированной палаты суда в Джубе для рассмотрения дел о сексуальном и гендерном насилии, которая должна была начать свою работу к 31 октября 2019 года (приложение II, пункт 64).

¹⁵ См. публикации Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) «Mobile Courts in South Sudan», 25 марта 2019 года, имеется по адресу <https://reliefweb.int/report/south-sudan/mobile-courts-south-sudan>; и «Mobile court concludes proceedings in Malakal», Операции Организации Объединенных Наций по поддержанию мира, 23 сентября 2019 года, имеется по адресу <https://peacekeeping.un.org/en/mobile-court-concludes-proceedings-malakal>.

На момент составления настоящего доклада было лишь выбрано помещение для размещения палаты. Хотя создание палаты суда, специализирующейся на борьбе с сексуальным и гендерным насилием, является позитивным событием, Комиссия отмечает, что она будет действовать на национальном уровне, а не на уровне штатов. Кроме того, хотя выездные суды выносят решения по делам о сексуальном и гендерном насилии, они, как представляется, не связаны со специализированной палатой, что лишает тысячи жертв по всей стране доступа к правосудию, в том числе жертв связанного с конфликтом сексуального насилия, которое выходит за рамки узкого мандата специализированной палаты. Несмотря на вышеупомянутые инициативы, очень немногие были привлечены к ответственности за сексуальное и гендерное насилие или за связанное с конфликтом сексуальное насилие.

31. В декабре 2019 года Национальная служба безопасности также объявила о создании специального трибунала в составе пяти судей для рассмотрения дел ее сотрудников, ответственных за преступные деяния, нарушения Закона о национальной безопасности и любых других законов и подзаконных актов. По словам директора по правовым вопросам Национальной службы безопасности, трибунал также будет иметь «полномочия судить и наказывать военнослужащих некомандного состава Национальной службы как в личном качестве, так и в качестве сотрудников Службы, в случае предъявления им обвинений в правонарушениях, включая нарушения прав человека»¹⁶.

32. Несмотря на определенные достижения, Комиссия по-прежнему глубоко обеспокоена отсутствием прогресса в создании механизмов правосудия переходного периода в соответствии с главой V Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Южном Судане, в том числе в связи со случаями сексуального и гендерного насилия. В рассматриваемый период не было достигнуто значительного прогресса в формировании смешанного суда. В декабре 2019 года управление юрисконсульта Африканского союза в консультации с судьей Теодором Мероном и профессором Бонгани Маджоло заявило, что работа над проектом статута смешанного суда была завершена и что редакционный комитет приступает к подготовке проекта регламента суда. Тем не менее не было достигнуто никакого прогресса в создании комиссии по установлению истины, примирению и залечиванию ран или органа по выплате компенсаций и возмещению ущерба, которые должны быть дополнены традиционными и другими общинными механизмами (приложение II, пункты 87–94).

V. Экономические, социальные и культурные права

33. Крайняя нищета и отсутствие доступа к основным услугам усугубляются экономическими преступлениями, совершаемыми сотрудниками государственного аппарата¹⁷. Чрезмерное обогащение ряда должностных лиц за счет миллионов голодающих граждан в результате коррупции привело к острому социально-экономическому неравенству. Со временем коррупция стала настолько прибыльной, что заразила каждый сектор экономики и каждый государственный институт¹⁸. Незаконное распределение доходов лишило правительство критически важных ресурсов, необходимых для реализации экономических, социальных и культурных

¹⁶ Димо Сильва Аурелио, «South Sudan Creates Tribunal to Try Security Operatives», радиостанция «Голос Америки», 5 декабря 2019 года.

¹⁷ См. документ зала заседаний A/HRC/40/CRP.1, с которым можно ознакомиться на веб-странице Комиссии по адресу www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/CoHSouthSudan/Pages/Index.aspx.

¹⁸ Алекс де Вааль, публикация «When Kleptocracy Becomes Insolvent: Brute Causes of the Civil War in South Sudan», *African Affairs*, выпуск 113, № 452 (2014 год), стр. 347–369 текста на языке оригинала.

прав, таких как право на здравоохранение, образование, продовольствие, сельское хозяйство и воду¹⁹.

34. Незаконное присвоение и нецелевое использование государственных средств облегчается тем, что расчеты в Южном Судане производятся преимущественно наличными, а также «кумовством» при назначении на руководящие государственные должности. Общее отсутствие транспарентности и гражданского надзора в области бухгалтерского учета усугубляет проблему. Принципиально неправильное расставление приоритетов приводит к тому, что Южный Судан тратит деньги на своих военных и правящую элиту, а не на улучшение инфраструктуры или государственных услуг.

35. После заключения Всеобъемлющего мирного соглашения в 2005 году экономика Юга зависела главным образом от доходов от нефти, на которую приходилась большая часть экспортных поставок и которая в настоящее время обеспечивает 73% государственных доходов²⁰. Совокупным эффектом такой зависимости стало повышение геополитического профиля страны и формирование модели государства-рантье, в рамках которой значительные доходы, получаемые от продажи сырой нефти, используются внешними клиентами, такими как Китай, Индия и Малайзия, в своих интересах. Однако накопленная прибыль по-прежнему присваивается политической элитой, а не реинвестируется в интересах страны и ее граждан, как это предусмотрено соответствующими законами²¹.

36. Стороны Обновленного соглашения стремились устранить этот пробел в подотчетности, посвятив главу IV реформам и мерам, направленным на обеспечение большей подотчетности и транспарентности в использовании государственных ресурсов и управлении ими, с уделением особого внимания доходам от нефти. Меры, предусмотренные главой IV, в значительной степени основываются на национальном законодательстве Южного Судана, в частности на Законе о нефти и Законе об управлении доходами от нефти 2012 года. К числу других соответствующих законодательных актов, направленных на обеспечение транспарентности в области государственных финансов, относятся глава 9 Закона об управлении доходами от нефти (2013 года)²², глава 5 Закона о следственных комитетах (2006 года)²³ и глава 11 Закона о Банке Южного Судана (2011 года)²⁴.

1. Не связанные с нефтью доходы

37. В соответствии с вышеупомянутой главой IV Национальное налоговое управление стало главным органом, отвечающим за сбор не связанных с нефтью доходов и управление ими, чем раньше занималось Министерство финансов²⁵. На конфиденциальном совещании Комиссия была проинформирована о том, что в первой половине 2019 года Управление постепенно наращивало сбор доходов²⁶, сократило чрезмерные налоговые льготы, упорядочило порядок набора сотрудников на старшие должности Управления²⁷, расширило налоговую базу и повысило

¹⁹ См., например, публикацию Сэм Медник «Sprouting Weapons of War», Проект по расследованию коррупции и организованной преступности, 17 июля 2019, имеется по адресу www.occrp.org/en/investigations/sprouting-weapons-of-war.

²⁰ Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), Краткий обзор национального бюджета, май 2019 года, имеется по адресу www.unicef.org/southsudan/reports/national-budget-brief.

²¹ См., например, Закон об управлении доходами от нефти (2013 год), статья 29.

²² Глава 9, посвященная транспарентности и подотчетности.

²³ Глава 5, § 21: Доступ общественности к расследованию и информации.

²⁴ Глава 11: Счета, финансовые ведомости, аудиторские проверки и отчеты.

²⁵ Обновленное соглашение, статьи 4.10.1.4–5.

²⁶ Ежегодные статистические данные, полученные Комиссией.

²⁷ На конфиденциальном совещании Комитет узнал, что Совет Национального налогового управления оставил Налоговой службе Танзании функции по набору сотрудников на старшие должности в Управлении. Однако в последний год набор сотрудников был приостановлен для проведения кадровой проверки Национальной службой безопасности.

транспарентность за счет обнародования ежемесячных статистических отчетов о собранных доходах.

38. Усилия по сбору доходов были приостановлены 23 августа 2019 года, когда министр финансов и экономического планирования Сальваторе Гаранг Мабьордит снял с должности генерального комиссара и распустил Совет директоров Национального налогового управления на основании многочисленных обвинений, которые обе стороны отрицали²⁸. 28 октября 2019 года министр заявил, что генеральный комиссар незаконно открыл единый казначейский счет в Момбасе, Кения²⁹, в целях отвлечения средств с операционного счета Управления, и пользуется этим счетом. Совет опроверг это обвинение в неправомерных действиях и подтвердил, что ему было известно об открытии счета и последующих операциях и он дал на это разрешение³⁰.

39. У Комиссии есть разумные основания полагать, что после незаконного увольнения генерального комиссара и роспуска Совета происходит постоянный отток не связанных с нефтью доходов на операционный счет Национального налогового управления, контролируемый от его имени Банком Южного Судана³¹. Закон о Национальном налоговом управлении (НРУ) предусматривает, что из общей суммы собранных доходов лишь 2% удерживаются Управлением³² за его деятельность – единственный платеж, причитающийся ему по закону, – а остальная сумма перечисляется на консолидированный счет правительства. Комиссия располагает достоверными данными, указывающими на то, что за сентябрь 2019 года 56% от общего объема доходов, не связанных с нефтью, собранных в Южном Судане, были перечислены на счет Управления, а на счет правительства поступило лишь 42%³³.

40. Имеющиеся в распоряжении Комиссии данные за октябрь и ноябрь 2019 года подтверждают, что почти 80% собранных доходов, не связанных с нефтью, были перенаправлены на операционный счет Национального налогового управления, в то время как на правительственный счет в Найроби было направлено лишь 20%³⁴. На конфиденциальном совещании 2 сентября 2019 года Комиссия получила подтверждение того, что средства, перенаправляемые на операционный счет Управления, не доходят до правительства, как того требует закон. В октябре 2019 года исполняющий обязанности генерального комиссара заявил, что публикация ежемесячных статистических данных Управления о собранных доходах в разбивке по категории в период с января по середину августа 2019 года (практика, начатая предыдущим комиссаром) не является обязательным требованием в соответствии с законодательством, и в этой связи принял решение о ее прекращении, тем самым повысив секретность, окружающую сбор доходов и расходы государства.

41. К середине июля 2019 года Национальное налоговое управление, согласно сообщениям, собрало более 36 млн долл. США (7 млрд южносуданских фунтов) не связанных с нефтью доходов³⁵. На конфиденциальном совещании 2 сентября 2019 года Комиссия получила достоверную информацию об исчезновении в сентябре и октябре миллионов долларов США из государственных поступлений, которые не были перечислены на регулярный счет Управления. За последние 10 лет генеральные аудиторы Южного Судана не могли эффективно выполнять свои функции и представлять доклады в соответствии с нормами и стандартами в области аудита из-за

²⁸ Министерское постановление RSS/MoF&P/MO/3/08/19 и документы, полученные Комиссией.

²⁹ Поскольку Южный Судан не имеет выхода к морю, многие из импортируемых им товаров поступают в порт Момбасы и облагаются там налогами.

³⁰ См. заявление для прессы, сделанное Советом, имеется по адресу <http://updm-rss.org/press-statement-by-the-defunct-national-revenue-authority-nra-board>.

³¹ Конфиденциальные документы, полученные Комиссией.

³² Конфиденциальное совещание, 23 октября 2019 года.

³³ Конфиденциальные документы, полученные Комиссией.

³⁴ Там же.

³⁵ Публикация «South Sudan collects 36 mln USD tax from non-oil sources», «Синьхуа», 12 июля 2019 года.

отказа правительства публиковать и получать такие доклады, что подрывает потенциал государства по достижению Целей в области устойчивого развития.

2. Нарушения и предполагаемые преступления: выводы

42. В январе 2015 года Южный Судан присоединился к Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, а в январе 2013 года подписал (но еще не ратифицировал) Конвенцию Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней. Оба договора запрещают государствам-членам проводить или осуществлять политику, поощряющую коррупцию или хищение государственных средств. В Южном Судане была также создана комиссия по борьбе с коррупцией, роль которой заключается в защите государственных средств и расследовании случаев коррупции и нецелевого использования таких средств³⁶.

43. На основе вышеизложенной информации Комиссия имеет разумные основания полагать, что члены правительства участвовали в действиях, которые могут быть приравнены к экономическим преступлениям, включая уклонение от уплаты налогов, отмывание денег, взяточничество, использование своего положения для оказания влияния на принятие решений при распределении государственных средств и их использование для личной выгоды и наживы при полном понимании того, что такие действия не только приведут к их неоправданному обогащению, но и лишат правительство ресурсов, необходимых для предоставления жизненно важных услуг гражданскому населению и повышения уровня социального благосостояния.

44. Комиссия опубликует свои подробные выводы по экономическим преступлениям, включая отсутствие транспарентности и гражданского надзора, перенаправление национальных доходов и незаконные финансовые потоки, в документе зала заседаний (A/HRC/43/CRP.2), уделив особое внимание тому, как экономические преступления препятствуют осуществлению ключевых экономических, социальных и культурных прав, включая доступ к достаточному питанию, образованию и здравоохранению, а также их несоразмерному воздействию на детей, приводящему к высоким уровням младенческой смертности.

VI. Вербовка и использование детей в вооруженном конфликте³⁷

45. Медленный прогресс и избирательное осуществление Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Южном Судане оказывали непропорционально большое воздействие на жизнь детей в рассматриваемый период. Острое недоедание, отсутствие важнейших услуг и непрекращающаяся жестокость межобщинного, междоусобного, сексуального и гендерного насилия по-прежнему приводят к тому, что южносуданские мальчики и девочки страдают по множеству причин. По состоянию на конец июля 2019 года сообщалось, что в рядах НСОЮС и вооруженных оппозиционных групп все еще находится около 19 000 детей³⁸. Вызывает обеспокоенность тот факт, что оценочное число детей, завербованных сторонами конфликта, остается неизменным по крайней мере с декабря 2017 года³⁹.

46. В рассматриваемый период члены 6-й «А» дивизии НОАС-ВО (РМ) (базирующейся в Ачоте (Acy)) и правительственных сил, включая Национальную

³⁶ Закон о борьбе с коррупцией (2009 года); Переходная конституция, статья 147.

³⁷ Часть информации не разглашается в соответствии с принципом непричинения вреда.

³⁸ ЮНИСЕФ, публикация «32 children released from opposition groups in South Sudan», 24 июля 2019 года. В 2018 году Организация Объединенных Наций подтвердила 102 случая вербовки или использования 453 детей (365 мальчиков, 88 девочек), 14% которых на момент вербовки не достигли 15-летнего возраста (A/73/907-S/2019/509, пункт 152).

³⁹ Публикация «Children are the face of conflict-fuelled humanitarian tragedy in South Sudan – UNICEF», Служба новостей Организации Объединенных Наций, 15 декабря 2017 года.

службу безопасности и «Тигриную дивизию» НСОЮС⁴⁰, 3-ю (базирующуюся в Северном Бахр-эль-Газале (Винеджок) и Варабе (Панашир)), 4-ю (базирующуюся в Рубконе (Эль-Вахда)), 5-ю (баракы «Гириинти» (Вау), Западный Бахр-эль-Газаль) и 10-ю⁴¹ дивизии НСОЮС, а также связанные с Табаном Денг Гаи силы НСОЮС⁴² продолжили вербовку, подготовку и использование детей, начиная с 12-летнего возраста, в штатах Вау, Вараб, Эль-Вахда и Центральная Экватория (в последнем располагается основная база Национального фронта спасения). Вопреки положениям Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Южном Судане, Закона о Народно-освободительной армии Судана и Закона о национальной службе безопасности, Комиссия получила достоверную информацию о том, что правительственные силы проводили кампании по набору солдат, стремясь завербовать 10 000 мужчин и мальчиков⁴³, причем, по некоторым оценкам, это число достигло 17 000 человек⁴⁴.

47. Несмотря на то, что в статье 2.1.10.3 Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Южном Судане подтверждается обязательство, содержащееся в пункте 2 f) статьи 3, пункте 1 статьи 9 и пункте а) статьи 10 Соглашения о прекращении боевых действий 2017 года, воздерживаться от использования детей и их вербовки в вооруженные силы или военизированные формирования, со времени его подписания не было достигнуто какого-либо значимого прогресса. Поскольку планирование началось еще в сентябре 2018 года, а вербовка продолжалась по крайней мере до июля следующего года, Национальная служба безопасности и НСОЮС укрепили свои позиции, особенно в Варабе, в том числе путем принудительной вербовки и использования детей (сообщается, что в августе 2019 года началась подготовка солдат в Иткуэле, Южный Тондж (Вараб)). Завербованные дети сообщали о переводе из 3-й дивизии НСОЮС в Варабе в баракы «Гириинти» 5-й дивизии НСОЮС в Вау⁴⁵, Иткуэль (Южный Тондж) и центр подготовки Национальной службы безопасности в Лури (близ Джубы) (см. приложение II, пункты 3–5). В некоторых случаях в их переводе и подготовке принимали участие силы «Тигриной дивизии» НСОЮС. После того как некоторые новобранцы прошли подготовку и получили оружие, их, по сообщениям, доставили ближе к Джубе для присоединения к силам Национальной службы безопасности и НСОЮС, в частности ее «Тигриной дивизии»⁴⁶.

48. В большинстве случаев, задокументированных Комиссией, вербовка детей была умышленной, поскольку члены НСОЮС похищали этих детей, в том числе в Гогриале (Вараб) (приложение II, пункты 1–12). Помимо правительственных сил, окружные комиссары и местные вожди в Варабе также систематически проводили кампании по вербовке детей для использования Национальной службой безопасности и НСОЮС. В других случаях комиссары отбирали у семей, в которых не было мужчин боепригодного возраста, домашний скот, оставляя их тем самым без средств к существованию⁴⁷. Комиссия отметила аналогичную схему в Тондже (Вараб), где приказы, исходившие от НСОЮС, передавались командирам и местным вождям,

⁴⁰ В ходе конфиденциального совещания 19 октября 2019 года Комиссия заслушала заслуживающие доверия утверждения о том, что сам президент направил силы «Тигриной дивизии» для осуществления надзора за набором солдат.

⁴¹ В ходе конфиденциальных совещаний 16 и 17 сентября 2019 года Комиссия была проинформирована о том, что в апреле 2019 года в штат Вараб (Панашир) для проведения разоружения было направлено примерно 800 военнослужащих 10-й дивизии и создана штаб-квартира.

⁴² Относятся к силам НОАС-ВО (ТД).

⁴³ УРНД 102837 – 102841; УРНД 102850 – 102857.

⁴⁴ УРНД 103459 – 103468.

⁴⁵ УРНД 102536 – 102540.

⁴⁶ УРНД 103459 – 103468; см. также приложение II, пункты 71–86.

⁴⁷ В ходе конфиденциальных бесед подтвердился систематический характер деятельности правительства по вербовке детей в штате Вараб; УРНД 103200 – 103204.

которые затем требовали у семей предоставить им по крайней мере одного члена семьи. Если мужчин не было, вместо них забирали мальчиков⁴⁸.

49. В штате Эль-Вахда мальчики, потерявшие своих родителей или разлучившиеся с ними в результате конфликта, «добровольно» вступали в НСОЮС или НОАС-ВО (РМ) из-за отсутствия у них финансовых средств для самостоятельной жизни⁴⁹. Однако, поступив на военную службу, мальчики сталкивались с трудностями при попытке покинуть ее⁵⁰. За невыполнение приказов дети получали от 30 до 50 ударов плетью⁵¹.

50. Несмотря на травмирующий опыт, все завербованные дети, с которыми беседовали члены Комиссии и которым удалось бежать, демонстрировали стойкость, причем большинство из них подчеркивали желание продолжать свое образование⁵². Один мальчик выразил надежду стать врачом, чтобы облегчить «страдания своих людей», которым, по его словам, приходится преодолевать большие расстояния для того, чтобы получить адекватное лечение⁵³. Другой мальчик мечтает стать адвокатом, чтобы «вернуть людям их права»⁵⁴.

51. Кроме того, резкий рост численности молодежи, в совокупности с достигшей угрожающих масштабов безработицей и отсутствием доступа к образованию, продолжает подпитывать насилие и нестабильность. В рассматриваемый период уровень безработицы среди мальчиков и мужчин в возрасте от 15 до 24 лет оставался близок к 20%⁵⁵. Около 2,2 млн детей не посещали школу, в то время как 30% школ по всей стране оставались поврежденными, разрушенными, оккупированными или закрытыми в результате конфликта⁵⁶. Хотя после обретения независимости в 2011 году число функционирующих школ существенно увеличилось, молодежь в Авейле (Бахр-эль-Газаль), например, отмечала отсутствие доступа к трудоустройству и образованию в качестве одного из ключевых факторов, обуславливающих участие в преступной деятельности⁵⁷. Как сказал Комиссии один молодой человек: «Иметь оружие выгодно, потому что оно придает молодежи, которая в противном случае была бы бесполезна, какой-то вес»⁵⁸.

1. Разоружение, демобилизация и реинтеграция

52. Тот факт, что по меньшей мере 19 000 детей, как утверждается, связаны с правительственными силами и вооруженными группами в Южном Судане, свидетельствует о серьезных недостатках в осуществлении процесса разоружения, демобилизации и реинтеграции. 31 января и 21 февраля 2019 года 40 детей, 2 из них – в возрасте до 8 лет, были освобождены из НСОЮС в Северном Тондже (Вараб)⁵⁹. Комиссия получила информацию о том, что в июне 2019 года 3-я дивизия НСОЮС отпустила 14 детей в Ангуоке, Западном Куаке и Восточном Куаке⁶⁰. В июле Механизм наблюдения за прекращением огня и переходными мерами обеспечения безопасности осуществлял надзор за освобождением в Мирмире (Эль-Вахда)

⁴⁸ УРНД 102837 – 102841.

⁴⁹ УРНД 103320 – 03323; УРНД 103315 – 103319.

⁵⁰ УРНД 103315 – 103319.

⁵¹ УРНД 103315 – 103319.

⁵² УРНД 103205 – 103209; УРНД 102530 – 102535; УРНД 103200 – 103204.

⁵³ УРНД 103200 – 103204.

⁵⁴ УРНД 102530 – 102535.

⁵⁵ См. <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.1524.ZS?locations=SS>.

⁵⁶ См. www.unicef.org/southsudan/media/1831/file/UNICEF-South-Sudan-Education-Briefing-Note-Mar-2019.pdf.

⁵⁷ Эммануэль Келе, публикация «Aweil youth say unemployment makes them engage in criminality», МООНЮС, 7 мая 2019 года.

⁵⁸ УРНД 103445 – 103448.

⁵⁹ УРНД D120808 – D120810.

⁶⁰ УРНД 103364 – 103370.

32 детей-солдат в возрасте от 13 до 17 лет, которые с 2016 года находились в составе дивизии «В» НОАС-ВО⁶¹.

53. В течение недели, начавшейся 16 сентября 2019 года, вооруженные группы в штате Северный Бахр-эль-Газаль, по сообщениям, отпустили почти два десятка детей усилиями Национальной комиссии по разоружению, демобилизации и реинтеграции⁶², воссозданной президентом Кириом на основании президентского указа № 123/2019. За процесс реинтеграции бывших солдат отвечает, в соответствии с Обновленным соглашением об урегулировании конфликта в Южном Судане, Национальная комиссия по разоружению, демобилизации и реинтеграции в составе 12 членов. Хотя разоружение, демобилизация и реинтеграция детей в некоторых районах является позитивным событием, Комиссия с обеспокоенностью отмечает, что в штатах Бау, Вараб, Эль-Вахда и Центральная Экватория продолжается вербовка, причем в последнем ее проводит Национальный фронт спасения. Все дети, независимо от того, где и в какую группировку они были завербованы, должны быть немедленно освобождены с соблюдением соответствующих гарантий.

54. Комиссия выражает свою обеспокоенность по поводу связи между продолжающейся вербовкой и ведущимися боевыми действиями, в частности в связи с набором в ряды Национального фронта спасения в Центральной Экватории. Активизация процесса вербовки сторонами, подписавшими Обновленное соглашение об урегулировании конфликта в Южном Судане, и принудительная вербовка детей в течение рассматриваемого периода могут быть также связаны с необходимостью набрать достаточное число солдат для расквартирования необходимых объединенных сил (см. пункт 17 выше).

2. Нарушения и предполагаемые преступления: выводы

55. Члены как НОАС-ВО (РМ), так и правительственных сил, включая Национальную службу безопасности и связанные с Табаном Денг Гаи силы НСОЮС, набирали в свои ряды детей в возрасте до 15 лет. На конфиденциальном совещании, состоявшемся 8 января 2020 года, Комиссия узнала, что некоторых из этих детей использовали в качестве поваров, охранников и курьеров, в то время как другие активно участвовали в боевых действиях. Некоторые из них рассказывали о том, что их обучали, снабжали оружием, принуждали к мародерству и не разрешали покидать тренировочные лагеря и поля боя, угрожая убийством и запугивая.

56. Вышеупомянутая вербовка детей противоречит внутреннему и договорному праву, в том числе Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся участия детей в вооруженных конфликтах, к которому Южный Судан присоединился в сентябре 2018 года, и квалифицируется в качестве преступления (в соответствии с пунктом b) статьи 5 проекта статута Смешанного суда для Южного Судана для детей в возрасте до 15 лет).

57. Аналогичным образом, пункт 3 статьи 4 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Дополнительный протокол II), запрещает участие детей в возрасте до 15 лет в военных действиях. Внутреннее законодательство Южного Судана также требует от государства защиты и обеспечения соблюдения принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка во всех случаях, когда принимается какое-либо решение, затрагивающее его интересы. Несмотря на обязательство государства предотвращать, расследовать и наказывать нарушения закона и предоставлять возмещение, правительство Южного Судана не выполняет свои обязанности.

⁶¹ Доклад о ходе осуществления Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Республике Южный Судан за период с 1 июля по 30 сентября 2019 года, пункт 21.

⁶² Эммануэль Келе/Денг Му, публикация «Government forces hand over captured child soldiers», МООНЮС, 24 сентября 2019 года.

VII. Локальные конфликты

58. Несмотря на общее сокращение масштабов крупных боевых действий после подписания Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Южном Судане, усилилась ожесточенная конкуренция за пастбищные ресурсы в районах, где полностью отсутствует верховенство права, например в районе реки Джур (Западный Бахр-эль-Газаль), Твике (Вараб), Майоме (Эль-Вахда) и Джонглее (см. приложение II, пункты 13–36), что стало еще одним свидетельством хрупкости государственного аппарата.

59. На значительной части сельскохозяйственных земель, где благосостояние измеряется в количестве крупного рогатого скота, неблагоприятные погодные условия, характеризующиеся чередованием дождливых и засушливых сезонов, включая периоды наводнений и засухи, спровоцировали в период с декабря 2018 года по ноябрь 2019 года ряд конфликтов между скотоводами и фермерами за доступ к воде и пастбищным полям. Конкуренция за эти ресурсы осложняется не только климатическими факторами, но и борьбой за господство сторонников среди этнических групп, племен и подкланов.

60. Для локальных конфликтов по всей стране характерно в основном отсутствие государства и верховенства права, распространение легкого и тяжелого вооружения и неспособность государства установить и поощрять общую национальную идентичность. Некоторые общины сталкиваются в настоящий момент с таким уровнем локального этнического и межобщинного насилия, что независимость Южного Судана практически не имеет для них значения в плане их повседневной безопасности. Многие общины говорят, что обретение независимости положило конец только части войны.

61. Комиссия с глубокой обеспокоенностью отмечает, что в рассматриваемый период стороны конфликта пользовались местными междоусобицами, манипулируя историческими разногласиями между общинами и используя этническую самобытность для того, чтобы маргинализировать и подтолкнуть к перемещению ту часть населения, взгляды которой предположительно расходились с позицией той или другой стороны. Например, она получила достоверную информацию о том, что члены правительственных сил предоставляют ополченцам легкое и тяжелое вооружение, включая штурмовые винтовки АК-47 (автоматы Калашникова), гранатометы и пулеметы ПК, для совершения жестоких нападений на соседние общины, часто в периоды миграции крупного рогатого скота. Намеренный отказ властей обеспечить безопасность или привлечь виновных к ответственности за эти акты, как сообщается, вынуждает гражданских лиц организовывать свои собственные механизмы самообороны, присоединяться к вооруженным группам или согласовывать свои действия с ними в целях защиты. Поскольку вооруженный конфликт на национальном уровне в начале декабря 2018 года трансформировался, по большей части, в локальные конфликты, Комиссия смогла документально подтвердить несколько случаев, свидетельствующих о широко распространенном насилии (см. приложение II, пункты 13–36). Только за период с конца февраля по май 2019 года МООНЮС зарегистрировала 152 случая локального насилия, в результате которых около 531 человек погибли и 317 получили ранения, что на 192% больше по сравнению с тем же периодом 2018 года (S/2019/491, пункт 27).

62. Нападения в районе реки Джур в Западном Бахр-эль-Газале сопровождались убийствами, изнасилованиями и сексуальным насилием, похищениями, а также разграблением и уничтожением имущества (см. приложение II, пункты 13–36). На конфиденциальном совещании 12 октября 2019 года Комиссию проинформировали, что аналогичным образом конфликт между общинами апук и агуок в Гогриале (Вараб), согласно сообщениям, привел к гибели более 300 гражданских лиц, похищению женщин и детей, сжиганию домов и уничтожению гражданского имущества и медицинских учреждений.

63. В период с декабря 2018 года по май 2019 года в приграничном районе между штатами Эль-Вахда и Вараб произошли многочисленные нападения и ответные атаки

между буль-нуэрами из Майома (Эль-Вахда) с одной стороны и динка из Тонджа и Твика (Вараб) – с другой⁶³. В результате этих нападений погибли сотни гражданских лиц и были угнаны тысячи единиц крупного рогатого скота обеими сторонами конфликта⁶⁴. Аналогичным образом, в Джонглее происходили столкновения скотоводческих общин лу-нуэр, динка и мурле (см. приложение II, пункты 13–36).

64. Поскольку группы скотоводов по-прежнему мобилизуются военными и гражданскими властями, Комиссия изучила вопрос о том, имеют ли эти группы формальную организационную структуру, и пришла к выводу, что во многих скотоводческих лагерях существует официальная иерархия, установленная, в частности, для организации нападений в Куаджене, Рокрокдонге, Удиси и Алуре в Вау (Западный Бахр-эль-Газаль). Один из очевидцев, с которыми общалась Комиссия, заявил, что «скотоводы начали объединяться в группы, и каждые два–три дня появляется информация о новом нападении»⁶⁵. Комиссия узнала, что в случаях, когда стороны конфликта формируют в группах скотоводов четкую иерархию и снабжают их тяжелым и легким вооружением, такие группы гражданских лиц начинают действовать как организованные ополченцы под командованием и контролем сторон.

65. Хотя в Обновленном соглашении об урегулировании конфликта в Южном Судане основное внимание уделяется урегулированию конфликта на национальном уровне, параллельно с этим местные субъекты предпринимали усилия по подавлению насилия на субнациональном уровне (см. приложение II, пункты 13–36). Комиссия с обеспокоенностью отмечает, что, хотя параллельное принятие мер, направленных на сокращение масштабов насилия на местном уровне, по-прежнему приветствуется, такие меры не связаны с деятельностью на национальном уровне, и правительство страны не принимает в них конструктивного участия.

Нарушения и предполагаемые преступления: выводы

66. Хотя локальные конфликты часто рассматриваются как традиционные этнические столкновения из-за крупного рогатого скота или преступности с участием отдельных граждан, ополченцы используют оружие, в том числе армейского образца, поставляемое сторонами конфликта, и привлекаемых ими людей. Насилие в отношении гражданских лиц, совершаемое как военнослужащими правительственных сил, так и членами вооруженных оппозиционных групп, нарушает статью 3 Женевских конвенций, положения Дополнительного протокола II и нормы обычного международного права и может быть приравнено к военным преступлениям, включая убийства, разграбление, уничтожение имущества и сексуальное насилие⁶⁶.

67. В рамках локальных конфликтов совершались грубые нарушения прав человека и серьезные нарушения международного гуманитарного права, зачастую при участии вооруженных ополчений, связанных с НСОЮС и НОАС-ВО (РМ). Прямые нарушения в отношении гражданских лиц включали похищения, принудительную вербовку, в том числе детей, убийства, сексуальное насилие, неправомерное обращение, похищения, разграбление и уничтожение имущества, урожая и других средств к существованию, по всей видимости, в целях приобретения богатства или скота (см. приложение I, карта 2). Многие из этих нападений свидетельствуют о шокирующем пренебрежении к жизни гражданских лиц.

68. Подобные случаи насилия нарушают также права на жизнь и владение имуществом, закрепленные в статьях 4 и 14 Африканской хартии прав человека и народов. Кроме того, они противоречат положениям Переходной Конституции, в особенности праву на жизнь, свободе от бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и праву на владение имуществом, а также Уголовному кодексу 2018 года и статьям 57 и 206 Закона о Народно-освободительной армии Южного Судана,

⁶³ УРНД 103303 – 103309; УРНД 102974 – 102977; УРНД 102978 – 102981; УРНД 102982 – 102985. Информация получена также из конфиденциального доклада полевой миссии.

⁶⁴ УРНД 103303 – 103309.

⁶⁵ УРНД 103249 – 103254.

⁶⁶ Международный комитет Красного Креста, правило 156.

которые запрещают уничтожение и разграбление собственности. У Комиссии есть разумные основания полагать, что эти деяния могут быть приравнены к военным преступлениям⁶⁷ и другим серьезным преступлениям, предусмотренным международным правом⁶⁸, которые являются уголовно наказуемыми в соответствии с проектом статута Смешанного суда для Южного Судана.

VIII. Голод

69. В рассматриваемый период около 6,35 млн человек, или 54% населения, были отнесены к категории «находящихся в состоянии кризиса» или, что еще хуже, «испытывающих острую нехватку продовольствия» (см. также приложение II, пункты 37–47)⁶⁹. Регион Большого Верхнего Нила в настоящее время является самым неблагополучным в плане продовольственной безопасности, за ним следует регион Бахр-эль-Газаль⁷⁰. В 2019 году, согласно индексу человеческого развития, который учитывает основные аспекты развития человеческого потенциала, Южный Судан занял третье место среди наихудших для проживания национальных государств – 186-е место из 189 стран⁷¹.

70. Комиссия с серьезной обеспокоенностью отмечает, что, помимо климатических факторов, голод в штатах Вау и Эль-Вахда вызван политикой, проводимой как правительственными силами, так и вооруженными группами. Эта политика разрабатывается и осуществляется как часть более широкой стратегии, направленной на то, чтобы лишить общины противников ресурсов и тем самым вынудить их капитулировать, позволить солдатам и ополченцам вознаградить себя, насильственно выселить общины с их исконных земель, которые затем могут быть экспроприированы, или просто принудить отдельных лиц к вступлению в различные фракции, участвующие в конфликте. Отказ в гуманитарном доступе и перемещение населения в результате незаконных действий значительно усугубили голод в разных районах страны, лишив сотни тысяч гражданских лиц возможности удовлетворять жизненно важные потребности, в том числе – доступа к продовольствию⁷².

71. На основе собранной информации Комиссия приходит к выводу о наличии неопровержимых и достаточных доказательств для привлечения к ответственности лиц как в правительстве, так и в вооруженной оппозиции в соответствии с международными и национальными законами за проведение политики, обрекающей гражданское население на голод, в том числе в соответствии с пунктом 2 e) xix) статьи 8 Римского статута Международного уголовного суда, которая теперь включает в себя умышленное совершение действий, подвергающих гражданское население голоду, как способ ведения войны в число военных преступлений в условиях немеждународного вооруженного конфликта (см. приложение II, пункты 37–47)⁷³.

IX. Сексуальное и гендерное насилие

72. Сексуальное и гендерное насилие, включая сексуальное насилие, связанное с конфликтом, по-прежнему широко распространено в Южном Судане и характеризуется хорошо узнаваемой практикой террора и угнетения. Зафиксированные Комиссией нарушения в рассматриваемый период включали изнасилования, групповые изнасилования, калечащие операции на половых органах,

⁶⁷ В соответствии с пунктами a), b), e) и h) статьи 4 проекта статута.

⁶⁸ В соответствии с пунктами a–c) статьи 5 проекта статута.

⁶⁹ www.fao.org/in-action/kore/news-and-events/news-details/en/c/1208338.

⁷⁰ См. www.fao.org/south-sudan/news/detail-events/en/c/1207694.

⁷¹ <http://hdr.undp.org/en/countries/profiles/SSD>.

⁷² См. документ зала заседаний A/HRC/43/CRP.1, с которым можно ознакомиться на веб-странице Комиссии по адресу www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/CoHSouthSudan/Pages/Index.aspx.

⁷³ Там же.

принудительные браки, похищения и пытки сексуального характера⁷⁴. Дети, включая девочек, также становились жертвами сексуальной эксплуатации (приложение II, пункты 1–12)⁷⁵.

73. Случаи сексуального и гендерного насилия в контексте локальных конфликтов включали изнасилования, групповые изнасилования, принудительное обнажение, похищения, пытки сексуального характера и принудительные браки⁷⁶. Полученные Комиссией свидетельства подтверждают, что главными виновниками сексуального насилия в контексте локальных конфликтов являются скотоводы и молодые мужчины, некоторые из которых принадлежат к организованным ополченческим формированиям, действующим под командованием и контролем как правительственных, так и оппозиционных сил⁷⁷. Местные органы власти не проводили расследований и не возбуждали уголовных дел в связи с какими-либо из известных случаев (см. приложение II, пункты 1–12).

Х. Продолжающееся ущемление основных прав и свобод

74. Произвольные аресты и задержания, а также другие ограничения свободы мнений и их свободного выражения и собраний в Южном Судане продолжались (приложение II, пункты 71–86). На конфиденциальном совещании 21 августа 2019 года Комиссия была проинформирована о том, что гражданское и политическое пространство жестко ограничено цензурой и самоцензурой, что не позволяет активистам, журналистам, правозащитникам, политическим диссидентам и рядовым гражданам публично высказывать свои взгляды или организовывать свою деятельность.

75. Кроме того, гражданские лица в Западном Бахр-эль-Газале, Эль-Вахде и Центральной Экватории являются свидетелями непрекращающихся боевых действий, эскалация которых в апреле, июне и августе 2019 года ознаменовалась увеличением масштабов и тяжести нарушений, включая похищения и насильственные исчезновения (см. приложение II, пункты 71–86). Очевидцы утверждали, что исчезновения происходили в результате межэтнических конфликтов и в условиях присутствия в вышеупомянутых регионах вооруженных групп.

ХІ. Выводы

76. На основе своих выводов Комиссия имеет разумные основания полагать, что члены правительства Южного Судана совершали действия, равнозначные экономическим преступлениям, включая уклонение от уплаты налогов, отмывание денег, взяточничество, использование своего положения для оказания влияния на решения о распределении государственных ресурсов и использование государственных средств для личной выгоды и наживы. Незаконное распределение доходов лишает государство критически важных ресурсов, необходимых для содействия реализации экономических, социальных и культурных прав.

77. Грубые нарушения и ущемления прав человека и серьезные нарушения международного гуманитарного права совершались также в контексте вербовки и использования детей в локальных конфликтах. Члены 6-й «А» дивизии НОАС-ВО (РМ) и правительственные силы, включая Национальную службу безопасности и «Тигриную дивизию» НСОЮС, члены 3-й, 4-й, 5-й и 10-й дивизии, а также связанные с Табаном Денг Гаи силы НСОЮС продолжали вербовку,

⁷⁴ УРНД 103469 – 103474; УРНД 102632 – 102652.

⁷⁵ УРНД 102991 – 102995.

⁷⁶ УРНД 102664 – 102670; УРНД 102660 – 102663; УРНД 102627 – 102631; УРНД 102680 – 102688; УРНД 102609 – 102617; УРНД 102632 – 102652.

⁷⁷ УРНД 102680 – 102688; УРНД 102632 – 102652; УРНД 102653 – 102659.

подготовку и использование детей в возрасте до 12 лет в штатах Вау, Вараб, Эль-Вахда и Центральная Экватория.

78. Локальные конфликты на субнациональном уровне, часто с участием организованных вооруженных ополчений, связанных с НСОЮС или НОАС-ВО (РМ), характеризовались жестокостью нападений. Нарушения в отношении гражданских лиц включали похищения, принудительную вербовку, в том числе детей, убийства, сексуальное насилие, неправомерное обращение, похищения, разграбление и уничтожение имущества, урожая и других средств к существованию.

79. Комиссия также получила неопровержимые и достаточные доказательства для привлечения к ответственности, согласно международному и национальному законодательству, лиц как в правительстве, так и в вооруженной оппозиции за проведение политики, обрекающей население на голод, в том числе в штатах Вау и Эль-Вахда (см. также приложение II, пункты 37–47)⁷⁸.

80. Случаи сексуального и гендерного насилия, включая сексуальное насилие, связанное с конфликтом, по-прежнему широко распространены, в том числе в контексте локальных конфликтов, и характеризуются практикой террора и угнетения. Зафиксированные Комиссией нарушения включали изнасилования, групповые изнасилования, калечащие операции на половых органах, принудительные браки, похищения и пытки сексуального характера. Дети, включая девочек, также становились жертвами сексуальной эксплуатации (см. также приложение II, пункты 1–12).

81. Произвольные аресты и задержания, а также другие ограничения свободы мнений и их свободного выражения и собраний в Южном Судане продолжались и приводили к действиям, нарушающим права на информацию и выражение мнений, а также на свободу ассоциации и собраний, закрепленные в Африканской хартии прав человека и народов. Кроме того, продолжающиеся случаи насильственных исчезновений противоречат обязательствам Южного Судана по добросовестному расследованию всех утверждений о нарушениях прав человека, особенно в тех случаях, когда соответствующая информация имеется только у органов власти (см. также приложение II, пункты 71–86).

ХII. Рекомендации

82. Комиссия выносит правительству Южного Судана следующие рекомендации:

а) обеспечить, чтобы старшие должностные лица, прежде чем занять правительственную должность, а затем ежегодно, в соответствии со статьей 35 Закона о Комиссии по борьбе с коррупцией Южного Судана (2009 года), представляли письменные декларации об активах, и принять законодательство, квалифицирующее в качестве уголовного преступления представление ложных сведений в этих декларациях;

б) сотрудничать с другими государствами в целях изъятия и репатриации средств, полученных в результате коррупционной деятельности, включая имущество, приобретенное в соседних и других странах, и средства, хранящиеся на иностранных счетах, и обращаться за помощью в проведении расследований и судебном преследовании виновных лиц;

в) пересмотреть приоритеты в отношении расходования средств и выделить ресурсы на удовлетворение потребностей граждан, в том числе с целью

⁷⁸ См. также документ зала заседаний, содержащий дополнительные выводы Комиссии (A/HRC/43/CRP.1), с которым можно ознакомиться на веб-странице Комиссии по адресу www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/CoHSouthSudan/Pages/Index.aspx.

обеспечения свободы людей от голода и соблюдения других экономических, социальных и культурных прав и повышения уровня жизни;

d) укрепить независимость и потенциал судебной системы и национальных органов правосудия, в том числе за пределами Джубы;

e) обеспечить безотлагательное выполнение всех обязательств по международному праву прав человека и международному гуманитарному праву, в том числе воздерживаться от любых нападения на гражданских лиц;

f) незамедлительно сдать на хранение Генеральному секретарю документы о присоединении к Международному пакту о гражданских и политических правах и Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах и первым протоколам к ним, которые были ратифицированы Переходным национальным законодательным органом;

g) подписать, безотлагательно ратифицировать международные и региональные договоры по правам человека или присоединиться к ним в целях укрепления поощрения и защиты основных прав и свобод человека; и особенно присоединиться к Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, дополнив тем самым внутреннее законодательство;

h) присоединиться к Римскому статуту Международного уголовного суда и Протоколу о внесении изменений в Протокол о Статуте Африканского суда по правам человека для обеспечения ответственности за нарушения прав человека и серьезные преступления, совершаемые в стране;

i) принять необходимые меры для того, чтобы разорвать порочный круг локальных конфликтов и решить эту проблему, в том числе путем осуществления резолюций, принятых на соответствующих мирных конференциях, таких как конференция в Квачеке, состоявшаяся в августе 2018 года, конференция в Манкиене в июне 2019 года и конференция с участием представителей трех штатов в июле 2019 года;

j) создать специальные суды и провести беспристрастные расследования для привлечения виновных к ответственности и предоставления компенсации жертвам и их семьям;

k) поощрять эффективные программы разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДР);

l) усилить меры по содействию разоружению, демобилизации и реинтеграции, в том числе путем разработки законодательных и нормативных актов, касающихся ответственности сил безопасности за хранение и складирование оружия;

m) увеличить объем инвестиций в программы, связанные с разоружением, демобилизацией и реинтеграцией детей, включая психосоциальную поддержку, образование, профессиональную подготовку и трудоустройство молодежи;

n) обеспечить эффективное рассмотрение случаев гендерного насилия в отношении женщин и не допускать их обязательной передачи для разбирательства по альтернативным процедурам урегулирования споров, таким как посредничество и примирение;

o) незамедлительно назначить специального представителя по вопросам сексуального и гендерного насилия, как это было рекомендовано Советом по правам человека в его резолюции S-26/1;

p) обеспечить полноценное выполнение плана действий по предотвращению связанного с конфликтом сексуального насилия во исполнение обязательств, взятых на себя государством в Совместном коммюнике правительства Южного Судана и Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о сексуальном насилии в условиях конфликта;

q) обеспечить гармонизацию плюралистических правовых систем в национальной судебной системе в целях укрепления прав и защиты жертв гендерного насилия, обеспечивая при этом доступ к правосудию и возмещению ущерба, включая эффективные средства правовой защиты, в соответствии с руководящими указаниями Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, содержащимися в его общей рекомендации № 33 (2015 год), касающейся доступа женщин к правосудию;

г) обеспечить надлежащее расследование случаев связанного с конфликтом сексуального насилия и привлечение виновных к ответственности;

s) обеспечить всем общинам быстрый, беспрепятственный и постоянный доступ к гуманитарной помощи, уделяя первоочередное внимание острым потребностям гражданского населения в районах Большого Верхнего Нила и Бахр-эль-Газалья, и принять меры по привлечению к ответственности государственных и негосударственных субъектов, препятствующих оказанию гуманитарной помощи или незаконно перераспределяющих ее;

t) прекратить любое вмешательство в деятельность средств массовой информации и гражданского общества и обеспечить свободу выражения мнений и собраний;

u) ускорить создание механизмов, предусмотренных в главе V, без дальнейших промедлений в целях комплексного осуществления правосудия переходного периода;

v) обеспечить надлежащее расследование всех серьезных нарушений и злоупотреблений, привлечение к ответственности виновных и предоставление жертвам эффективных средств правовой защиты;

w) без дальнейших промедлений создать комиссию по установлению истины, примирению и залечиванию ран, обеспечив проведение эффективных и транспарентных консультаций с заинтересованными сторонами в Южном Судане, а также транспарентность и объективность процесса отбора членов комиссии;

x) обеспечить, чтобы со всеми гражданами Южного Судана, включая женщин, молодежь, пожилых лиц, детей, перемещенных лиц и беженцев, проводились консультации и чтобы они привлекались к разработке и деятельности механизмов, предусмотренных в главе V, и принимали конструктивное участие в этом процессе;

y) содействовать участию гражданского общества в деятельности по повышению осведомленности о механизмах отправления правосудия переходного периода и поощрять пропаганду механизмов отправления правосудия и обеспечения ответственности в целях расширения знаний граждан и их участия в процессах отправления правосудия переходного периода;

z) принять и поощрять широкий подход к возмещению ущерба, в том числе путем обеспечения того, чтобы не менее 1% доходов от продажи нефти выделялось на возмещение ущерба наряду с другими неденежными мерами;

aa) предоставить жертвам и их семьям адекватное, быстрое и эффективное возмещение и средства правовой защиты, включая установление истины о нарушениях, от которых они пострадали, и о судьбе или местонахождении их близких, которые пропали без вести во время содержания под стражей в государстве;

bb) ратифицировать Протокол к Африканской хартии прав человека и народов об учреждении Африканского суда по правам человека и народов и сделать заявление, разрешающее подачу индивидуальных петиций в Африканский суд по правам человека и народов;

cc) через национальные, региональные и международные механизмы принять соответствующие меры и поддержать расследование и судебное

преследование всех лиц, несущих наибольшую ответственность за предполагаемые военные преступления и преступления против человечности и другие нарушения прав человека в Южном Судане.

83. Комиссия рекомендует государствам-членам:

а) принимать меры для мониторинга и осуществления эмбарго на поставки оружия, связанные с продолжающимся национальным конфликтом, в том числе в Центральной Экватории и Майвуте, и пресекать поставки оружия воюющим сторонам;

б) осуществлять свою юрисдикцию для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушениях и ущемлениях прав человека и нарушениях международного гуманитарного права;

в) включить квалификацию обречения гражданских лиц на голод как военное преступление в свое национальное законодательство, если они еще этого не сделали.

84. Комиссия рекомендует Африканскому союзу:

а) призвать южносуданские стороны к разрешению остающихся разногласий в целях урегулирования конфликта и обеспечения своевременного формирования обновленного переходного правительства национального единства;

б) взаимодействовать с правительством Южного Судана и оказывать ему поддержку в принятии необходимых мер для создания смешанного суда и других механизмов и процессов отправления правосудия переходного периода и установить для этой деятельности временные рамки;

в) провести подготовительную работу для создания в одностороннем порядке смешанного суда в соответствии с решениями Совета мира и безопасности на случай, если правительство Южного Судана не уложится в установленные сроки создания суда;

г) институционализировать процессы сбора и хранения доказательств при подготовке к созданию смешанного суда.

85. Комиссия рекомендует Организации Объединенных Наций и международным партнерам:

а) призвать стороны к разрешению остающихся у них разногласий в целях урегулирования конфликта и обеспечения своевременного формирования обновленного переходного правительства национального единства;

б) вовлекать заинтересованные стороны как на национальном, так и на субнациональном уровнях в процесс формирования правовой и политической базы, необходимой для поддержки институтов правосудия переходного периода, в частности смешанного суда, и оказывать им помощь.

86. Комиссия рекомендует обеспечить, чтобы Механизм наблюдения за прекращением огня и переходными мерами обеспечения безопасности продолжал включать в свои публичные доклады информацию о вызывающих беспокойство вопросах, касающихся защиты гражданского населения, включая вербовку и использование детей и сексуальное и гендерное насилие.

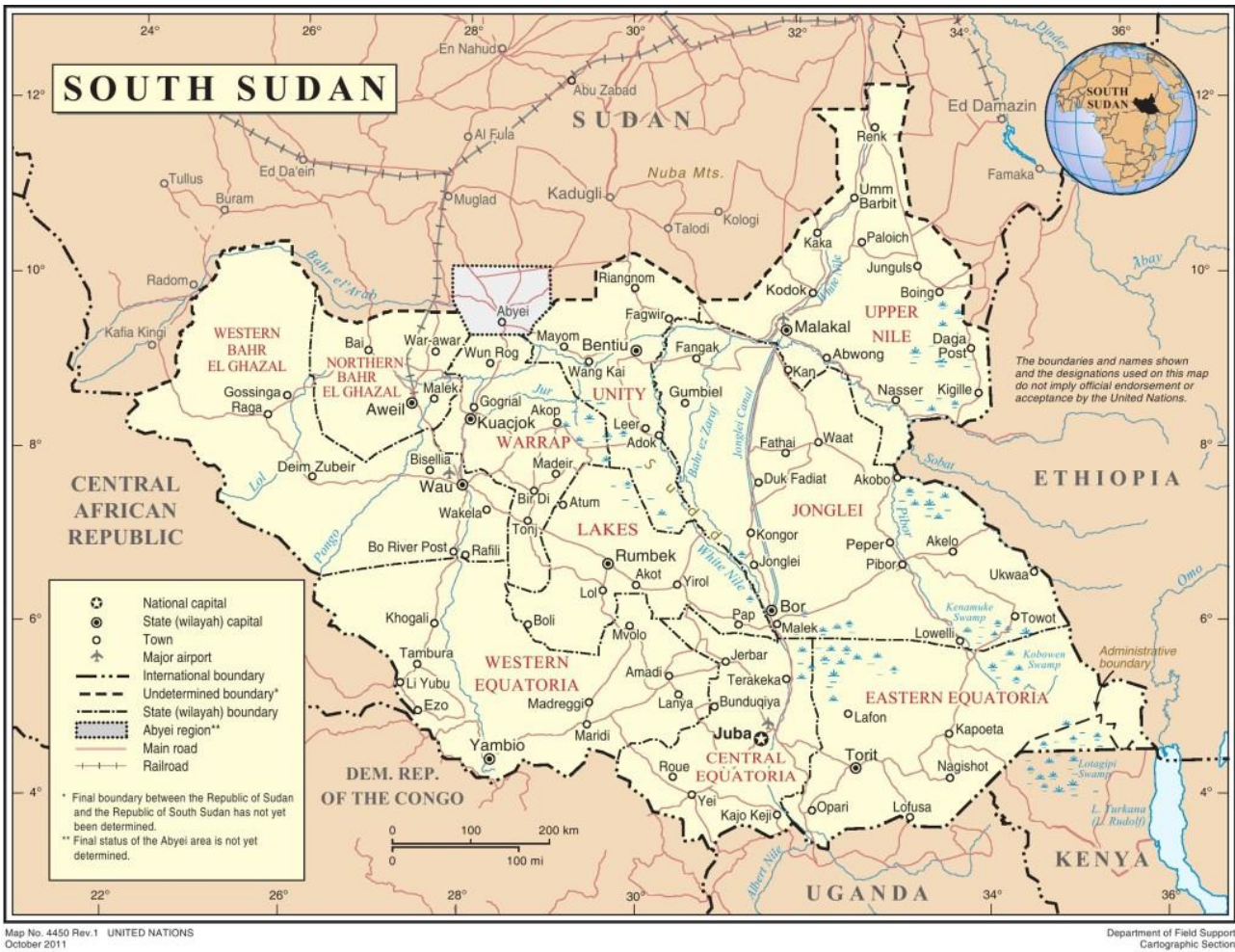
87. Комиссия рекомендует МООНЮС и неправительственным организациям:

а) активизировать расследования в отношении национальных сотрудников, убитых в связи с их работой, оказывать их семьям поддержку, в том числе психосоциальную, и предоставлять компенсацию;

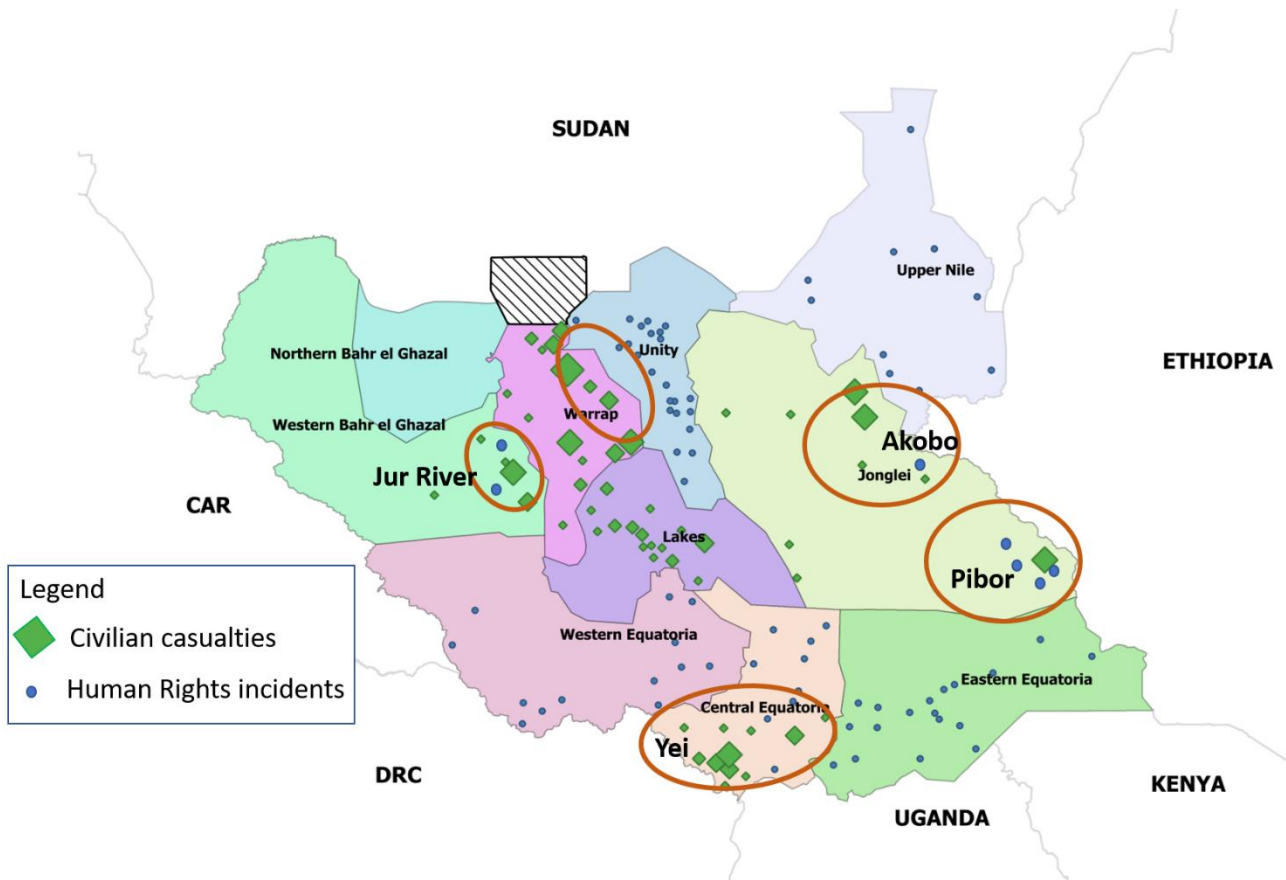
б) продолжать оказывать поддержку созданию механизмов правосудия переходного периода, предусмотренных в главе V Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Южном Судане, в соответствии с передовой практикой и стандартами.

Annex I

1. Map of South Sudan

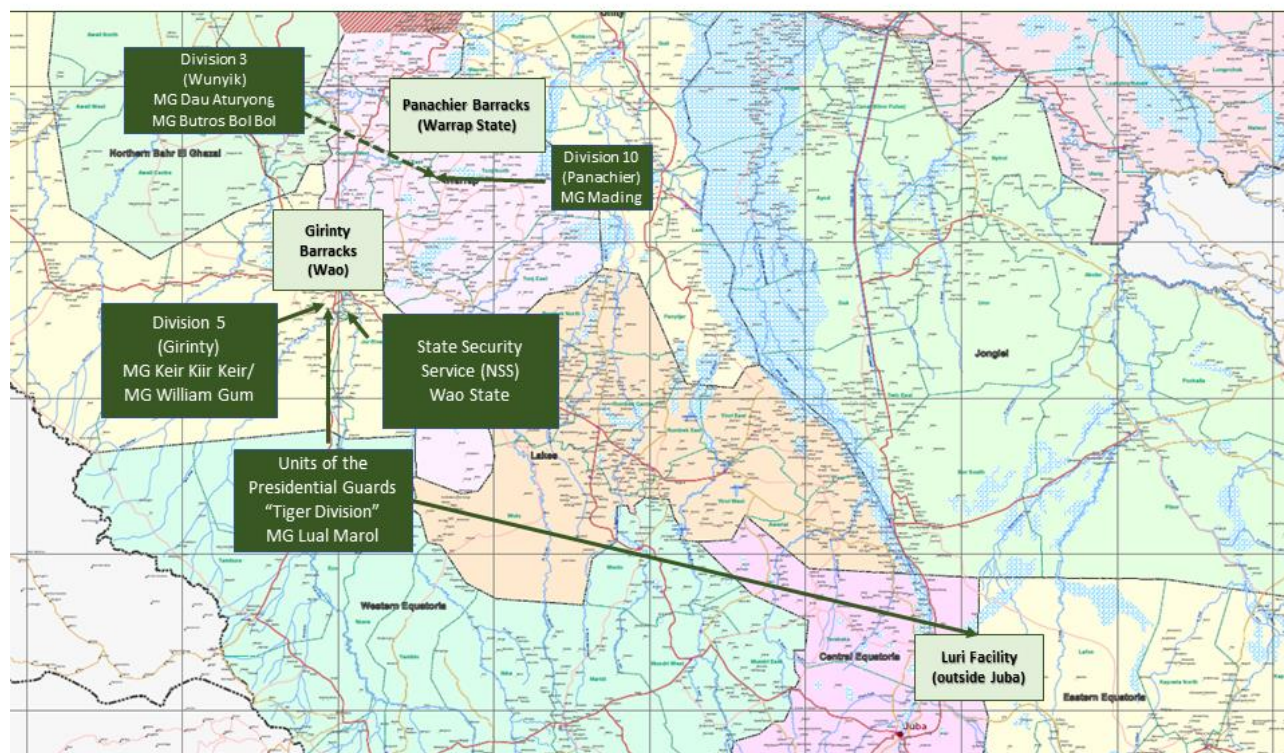

2. Localized conflict locations

3. Military bases/barracks (child recruitment and use)

Facilities for new recruits (2018-2019)

4. Protection of civilian displacement sites

12 November 2019

UNMISS “Protection of Civilians” (PoC) Sites

As of 7 Nov. 2019, a total of number of civilians seeking safety in six Protection of Civilians (PoC) sites located on UNMISS bases is **190,455** including 117,767 in Bentiu, 26,359 in Malakal, 29,702 in Juba UN House, 1,931 in Bor, and 14,696 in the area adjacent to UNMISS in Wau “.

Region	Location	Number of Civilians Seeking Protection
Central Equatoria	UN House PoC I & III	29,702
Unity	Bentiu	117,767
Upper Nile	Malakal	26,359
Jonglei	Bor	1,931
Area Adjacent to UNMISS in Wau	AA	14,696
TOTAL		190,455

Source: The figures reported are based on Biometric Registration conducted by IOM in Bor (May 2019), UN House (February 2019), Wau Adjacent Area (August 2019), and the headcounts conducted in in Bentiu (July 2019) and DRC headcount for Malakal (June 2019).

Annex II

Additional findings

I. Recruitment and use of children – emblematic incidents⁷⁹

1. Accounts received by the Commission from former child soldiers paint a picture of violent recruitment campaigns, harsh military training,⁸⁰ inhuman living conditions,⁸¹ frequent abuse and ill-treatment and the denial of education,⁸² adequate medical care⁸³ and communication with parents or relatives. In so doing, government forces violated both the Child Act of South Sudan and the SPLA Act which prohibit the recruitment of children in military forces and require all actors to consider the best interest of the child.

A. Warrap State

Gogrial

2. The Commission spoke with a boy from Gogrial who recalled how, one day in December 2018, a green and brown “technical” pick-up truck arrived at his home.⁸⁴ Immediately upon arrival, SSPDF Tiger Division soldiers yelled at, handcuffed, and threw the boy into the back of their truck where four other boys aged 16 to 17 years were also confined.⁸⁵ Unaware of why he was being accosted or that he was being forcibly recruited, the boy recalled being “afraid they would kill us”.⁸⁶

3. SSPDF Tiger Division soldiers drove the boys to the Division 5 Girinty Military Barracks in neighbouring Wau (Western Bahr el Ghazal). At around 10.00 a.m. the following morning, boys and men were transferred to the National Security Service (NSS) training facility in Luri closer to Juba in *wara* trucks.⁸⁷ There, the boy was able to identify by name a Tiger Division soldier wearing a khaki, black, and green camouflage print uniform who began training the recruits—teaching him military drills including how to crawl, as well as other conditioning methods. He was further taught how to do push-ups and kneel as “punishment”.⁸⁸

4. Overall, the boy estimated 500 trainees at the Luri facility,⁸⁹ comprising men and boys. Explaining daily life in Luri, he recalled how some adult conscripts would cook, while boys washed dishes, and how he was denied adequate food and fed merely beans twice a day.⁹⁰ Recruits slept in “blue houses” situated near the training grounds, and their freedom of movement was confined to the training facility.⁹¹

5. Children at the Luri training facility were further tortured by drunk soldiers, and “punished” when food was not prepared. On one occasion, the boy recalled being lashed with a whip fashioned of leather.⁹² Other forms of torture included Tiger Division soldiers forcing children to lie on the ground while their necks were stepped on.⁹³ Tiger Division soldiers

⁷⁹ Certain details concealed subject to the principle of “do no harm”.

⁸⁰ Child Act 2008, at Art. 31.

⁸¹ Ibid. at Art. 6.

⁸² Ibid. at Art. 14.

⁸³ Ibid. at Art. 15.

⁸⁴ ERN 103205 - 103209, paras. 4-5.

⁸⁵ ERN 103205 - 103209, paras. 3-4.

⁸⁶ ERN 103205 - 103209, para. 3.

⁸⁷ ERN 103205 - 103209, para. 7.

⁸⁸ ERN 103205 - 103209, para. 7.

⁸⁹ ERN 103205 - 103209, para. 8.

⁹⁰ ERN 103205 - 103209, para. 9.

⁹¹ ERN 103205 - 103209, para. 10.

⁹² ERN 103205 - 103209, para. 12.

⁹³ ERN 103205 - 103209, para. 13.

further denied medical care to recruits in Luri, which led in at least one case to the preventable death the boy witnessed.⁹⁴ The boy was able to escape from the Luri facility earlier this year.⁹⁵

6. The Commission further received credible information that County Commissioners in Gogrial, Tonj, and Twic executed Government orders to recruit children, including through the use of recruitment centres in Gogrial.⁹⁶ County Commissioners in at least three locales were said to have pressured local chiefs and cattle camp leaders to ask families within their communities to volunteer for conscription.⁹⁷ In February 2019, the Executive Chief of Aguek (central Gogrial County), for example, requested that local families relinquish at least one fighting age male to join the SSPDF.⁹⁸ When a 17-year-old boy was urged by his family to represent them in the recruitment drive, he began hiding.⁹⁹ Days later, he was surrounded in public by three soldiers armed with Kalashnikovs and donning matching khaki and green camouflage SSPDF uniforms bearing the national flag on their sleeves.¹⁰⁰ To force his submission, two soldiers beat him with black batons, while the third pushed him.¹⁰¹

7. The boy was taken by the soldiers to an SSPDF Division 3 training centre in Aguek and described a Captain who bore three stars on his uniform as being in charge of the centre.¹⁰² Every day at 6.00 a.m. while at the centre, he and other recruits were awoken by SSPDF soldiers to go running. Though he recalled crying as he was marching, an assembly master watched over to ensure his subjugation. Recruits were insufficiently fed, receiving only beans and *porso* twice a day, and further forced into labour/made to collect firewood.¹⁰³

8. Soldiers training the youth in Aguek had informed the boy that he would later be taken to a main military training centre in Panachier, and that there he would be made to run, collect firewood, cook, and undergo further military training.¹⁰⁴ The Commission was able to confirm that the main SSPDF Division 3 training centre in Gogrial County is based in Panachier,¹⁰⁵ and that SSPDF Division 10 forces also moved to Panachier in April 2019.¹⁰⁶ In Aguek, SSPDF Division 3 soldiers told recruits that, once they completed training in Panachier, they would be deployed due to insecurity in Gogrial (Warrap), Malakal, Abyei, and “other areas where there are land disputes”.¹⁰⁷ After five days, the boy attempted a risky albeit successful escape.¹⁰⁸

B. Western Bahr el Ghazal State

9. As in Warrap State, the Commission received credible information that, beginning in November 2018, SSPDF Division 5 members began recruiting boys in Wau (Western Bahr el Ghazal), including homeless boys from neighbouring Gogrial who had escaped to Wau to evade recruitment. In April 2019, boys in Wau were taken to the SSPDF Division 5 Girinty Barracks.¹⁰⁹ One witness recalled that, on 11 April 2019, SSPDF Division 5 Military Intelligence Officers rounded up homeless boys in Wau and placed them onto a truck, as they had been “ordered to take the children to Nyakuael” (Tanj).¹¹⁰

⁹⁴ ERN 103205 - 103209, para. 14.

⁹⁵ ERN 103205 - 103209, para. 18.

⁹⁶ ERN 102536 - 102540, para. 5. Recruitment centres were located in Kuac West, Kuac East, Kuac North, and Kuac South.

⁹⁷ ERN 102536 - 102540, para. 6.

⁹⁸ ERN 102530 - 102535, para. 5.

⁹⁹ ERN 102530 - 102535, paras. 5-6.

¹⁰⁰ ERN 102530 - 102535, para. 6.

¹⁰¹ ERN 102530 - 102535, para. 7.

¹⁰² ERN 102530 - 102535, para. 8.

¹⁰³ ERN 102530 - 102535, para. 10.

¹⁰⁴ ERN 102530 - 102535, para. 14.

¹⁰⁵ See, e.g., ERN 102530 - 102535, para. 14, ERN 102536 - 102540, para. 12; Confidential Meeting, 19 October 2019.

¹⁰⁶ Confidential Meeting, 19 October 2019.

¹⁰⁷ ERN 102530 - 102535, para. 14.

¹⁰⁸ ERN 102530 - 102535, para. 15.

¹⁰⁹ ERN 102803 - 102810, para. 18; ERN 102797 - 102802, para. 16.

¹¹⁰ ERN 102797 - 102802, para. 16.

C. Unity State

10. In furtherance of a pattern previously documented by the Commission, credible information was received that boys remain within the ranks of the Taban Deng-allied SSPDF in Unity State.¹¹¹ The Commission further received information that a 17-year-old boy, recruited by the SPLA-IO (RM) when he was 13, was seen in September 2019 together with SPLA-IO (RM) soldiers at the market in Adok, Leer County.¹¹² The Taban Deng-allied SSPDF is listed in the annex of the latest Secretary-General report on children and armed conflict as persistent perpetrators of grave violations against children, including recruitment and use.¹¹³

11. In April 2019, approximately 500 South Sudanese civilians, most of them women and children alongside approximately 50 men, travelled from Khartoum (Sudan) to Rubkona town,¹¹⁴ following an offer by National Patriotic Alliance Forces (NPAF)¹¹⁵ of free transportation believed to have been paid by the First Vice President Taban Deng.¹¹⁶ Upon arriving in Rubkona town, they were transported to the joint barracks of the then SPLA-IO (TD) and the NPAF¹¹⁷ in Tong, Rubkona County.¹¹⁸ In Tong, young men were separated from their families for recruitment by NPAF.¹¹⁹ Approximately 17 men who refused to be recruited were detained,¹²⁰ among them between three and four minors.¹²¹ By July-August 2019, most detainees had either escaped or were released.¹²²

12. At the end of November 2019, the National Patriotic Alliance Forces forcefully recruited a 14-year-old boy outside of the Bentiu POC site,¹²³ who was able to escape some five weeks later.¹²⁴

Facilities for new recruits between 2018 and 2019 are mapped in annex I, map 4.

II. Localized conflict(s) – emblematic incidents

13. While the Revitalised Agreement on the Resolution of the Conflict in the Republic of South Sudan (R-ARCSS) addressed the conflict at a national level, less attention has been focused on addressing localized conflict(s). Legacies of conflict and inter-communal violence which have played out between and within ethnic groups¹²⁵ have long roots, but these conflicts have been exacerbated by new actors, new competitions over resources and the mismanagement and abuse of transhumance. A failure to properly understand the drivers

¹¹¹ In September and October 2018. See, e.g., ERN 101626 - 101631, para. 13; ERN 101638 - 101642, para. 10; Confidential Meeting, 21 September 2018.

¹¹² ERN 103279 - 103284, paras. 3-4.

¹¹³ Report of the Secretary-General on children and armed conflict, UN Security Council, A/73/907-S/2019/509, 20 June 2019, at Annex I, p. 40.

¹¹⁴ ERN 103101 - 103104, para. 6, ERN 103097 - 103100, para 8, ERN 103064 - 103068, paras. 4 and 9.

¹¹⁵ The NPAF are based in Tong (Unity) in the same barracks as SSPDF (former SPLA-IO (TD)). They are aligned to SSPDF though not yet integrated.

¹¹⁶ ERN 103101 - 103104, para. 8, ERN 103097 - 103100, para. 8.

¹¹⁷ Following the dismissal of General Robert Ruai Kuol Jal from the position as SPLA-IO Military Governor for Liech (Unity) State by SPLM/ SPLA-IO Chairman Rick Machar end of 2017, the General founded the NPAF (ERN 103101 - 103104, para. 5; and ERN 103097 - 103100, para. 7). His forces settled in Tong in November 2018 and aligned with the then SPLA-IO (TD) Forces (ERN 103101 - 103104 para. 5; ERN 103097 - 103100 para. 7; Investigator's Report).

¹¹⁸ ERN 103101 - 103104, para. 9; ERN 103097 - 103100, paras. 8 and 10; ERN 103064 - 103068.

¹¹⁹ ERN 103064 - 103068, paras. 7 and 9.

¹²⁰ ERN 103101 - 103104, para. 10; ERN 103064 - 103068, para. 9.

¹²¹ ERN 103101 - 103104, para. 10; ERN 103064 - 103068, para. 9.

¹²² ERN 103097 - 103100, para. 10; ERN 103064 - 103068, para 13.

¹²³ ERN 103310 - 103310, para. 22.

¹²⁴ ERN 103310 - 103310, para. 25.

¹²⁵ Acknowledging that some of the deadliest attacks perpetrated this year were among Dinka sub-clans.

of local conflicts will result in flawed solutions and continue to grow into one of the greatest challenges to long-term peace, stability and human security in South Sudan.¹²⁶

A. Jur River (Western Bahr el Ghazal)

14. Members of the Luo community from Western Bahr el Ghazal and cattle keepers from the Dinka community in Warrap told the Commission they had lived in peace for decades, even residing within the same communities and intermarrying. Over time, however, the relationship between the two groups fractured, escalating into violent clashes. In 2016, the Marial Bai Agreement was introduced to govern cattle migration and initially seemed to quell hostilities. However, interlocutors told the Commission that tension between these ethnic groups began to resurface after the introduction of administrative boundaries in January 2017 which engineered state borders with the intention of accumulating resources to benefit the Dinka community, furthering the ethnic divide.¹²⁷

15. As early as November 2018, cattle keepers from the Dinka community in Tonj (Warrap) began migrating through the neighboring Jur River area of Wau (Western Bahr el Ghazal) in violation of the Marial Bai Agreement which specifies that migration is to commence each January, the start of the dry season.¹²⁸ Other key provisions of the agreement were also violated in that the cattle camp leaders failed to seek the written consent of local chiefs in Wau (Western Bahr el Ghazal) prior to their migration from Tonj (Warrap);¹²⁹ cattle keepers were not supposed to travel with arms, but were to use sticks and spears to guide their cattle; and the cattle keepers did not compensate farmers for damaged crops.¹³⁰ Further compounding the dispute was that the previous Marial Bai Agreement failed to take account of the on-going conflict in that SPLA-IO (RM) forces were stationed along the migration route.¹³¹ Interlocutors also indicated that a greater number of cattle keepers participated in this year's migration, increasing the level of damage to the Luo community's crops leading up to the harvest.¹³²

16. Accounts differ as to how the violence began, with both communities blaming the other. However, after 6 March 2019, the attacks intensified when cattle keepers from the Dinka community in Tonj (Warrap) returned to Jur River in search of pastoral land but allegedly raped a girl while she was fetching water.¹³³ The pastoralists retaliated, reportedly killing a cattle keeper in Akou in Tonj (Warrap).¹³⁴ Cattle keepers described as wearing blue *jalabiya* (tunics) proceeded to launch a brutal attack in Kuajena on 17 March 2019, killing nine people and wounding six others (five children and one woman), including a mother whose baby was only a few days old when she was killed.¹³⁵ As one witness told the Commission, "After that, I constantly lived in fear in [location concealed] so I came to Wau ..."¹³⁶

¹²⁶ Wild, Hannah & Jok, Jok & Patel, Ronak. (2018). The militarization of cattle raiding in South Sudan: how a traditional practice became a tool for political violence. *Journal of International Humanitarian Action*; *See also* Saferworld (2017). *Informal armies: community defence groups in South Sudan's civil war*; Idris, Iffat. (2018). *Livestock and Conflict in South Sudan*. K4D Helpdesk Report484. Brighton, UK: Institute of Development Studies.

¹²⁷ A/HRC/40/CRP.1; ERN 102707 - 102717, para. 9; ERN 102632 - 102652, para. 7-10. See also Wau Displacement Sites: Influx from Jur River March-June 2019, IOM Displacement Tracking Matrix, available at https://displacement.iom.int/system/tdf/reports/20190816%20IOM%20DTM%20Jur%20River%20displacement%20to%20Wau%20thematic%20report_1.pdf?file=1&type=node&id=6443.

¹²⁸ ERN 102675 - 102679, para.6; Confidential Meeting, 22 September 2019.

¹²⁹ ERN 103249 - 103254.

¹³⁰ ERN 103249 - 103254; ERN 102632 - 102652, para. 7-11; Confidential Meeting, 22 September 2019.

¹³¹ ERN 102632 - 102652, paras. 7-11; Confidential Meeting, 22 September 2019.

¹³² Confidential Meeting, 22 September 2019.

¹³³ ERN 102632 -102652, para. 14; Confidential meeting, 9 July 2019.

¹³⁴ Ibid.

¹³⁵ ERN 103249 - 103254; ERN 102632 - 102652, paras. 15-21; ERN 102707 - 102717, para. 12; ERN 102671 - 102674, para. 5; ERN 102680 - 102688, paras. 7-10; ERN 103364 - 103370.

¹³⁶ ERN 102707 - 102717, para. 15.

17. Thereafter, recurrent retaliatory attacks marked by killings, rape, abduction and the looting and destruction of property ensued across Kuajena, Rocrocdong, Udici and Alur in Wau (Western Bahr el Ghazal). As one witness told the Commission, “The cattle keepers started organizing themselves in groups . . . and every two to three days, we would hear about another incident.”¹³⁷ On 1 April 2019, for instance, a deadly attack launched by cattle keepers on a primary school sheltering internally displaced persons (IDPs) from the Luo community in Kuajena resulted in the death of at least 11 civilians.¹³⁸ Eyewitnesses indicated that State security forces who had been deployed to protect the IDPs failed to intervene during the attack.¹³⁹ NSS officers subsequently dispatched to guard civilians sheltering in the school allegedly tortured them and compelled them to do forced labour.¹⁴⁰ UNMISS and CTSAMVM patrols sent to monitor the situation were repeatedly denied access to the school.¹⁴¹ Eventually, the NSS soldiers were withdrawn from the school in August 2019. At the time, the Commission was informed that the NSS would not be investigating the officers’ alleged misconduct.¹⁴²

18. On 18 May 2019, cattle keepers from the Dinka community wearing blue *jalabiya* launched another attack on a Luo community in Rocrocdong (Western Bahr el Ghazal) which killed at least two individuals, including an elderly village chief.¹⁴³ During the incident, the cattle keepers reportedly separated the men from the women and shouted ethnic slurs.¹⁴⁴ They proceeded to shoot the village chief in the back of his head with a Kalashnikov rifle before burning the village *tukuls* and ordering the villagers to leave the land. As they fled the scene, the cattle keepers also set the village chief’s body on fire and looted food items, goats and cattle.¹⁴⁵ During another similar attack in Rocrocdong, one 17-year-old girl told the Commission, “The attackers did not do anything to me. However, I saw them taking girls. I do not know how many they took [or what] happened to these girls after they took them. I was busy running away with my children.”¹⁴⁶

19. The same month, the International Organization for Migration reported that more than 12,346 persons were displaced from the Jur River area, with 99 per cent of new arrivals citing conflict as the reason for their entry into UN Protection of Civilians site and other IDP collective sites.¹⁴⁷ Thirteen per cent of these IDPs reported having housing or property destroyed.¹⁴⁸ Meanwhile, half of all new arrivals reported having been displaced twice since 2013, while approximately 35 per cent indicated it was their first experience of displacement.¹⁴⁹

20. When cattle keepers from the Dinka community launched another attack in Rocrocdong on 18 June 2019, one teenage girl who escaped abduction described her attackers as, “. . . mainly young boys wearing blue *jalabiya* . . . they were speaking the Dinka language and saying they didn’t want the Luo there . . .”¹⁵⁰ The witness further recounted how the cattle keepers arrived in the village brandishing AK-47s and PKMs which they used to kill at least

¹³⁷ ERN 103249 - 103254.

¹³⁸ ERN 102546 - 102552, para. 9; ERN 102664 - 102670, para. 12-13; ERN 102632 - 102652, para. 23.

¹³⁹ ERN 102797 - 102802; ERN 102632 - 102652, paras. 24-25.

¹⁴⁰ ERN 102872 - 102876, para. 12; ERN 102632 - 102652, paras. 21-31; and ERN 103269 - 103273. The Commission received information that female IDPs at the site were sexually assaulted but further investigations are needed. ERN 102699 - 102706, para. 19; ERN 102632 - 102652, paras. 25-31.

¹⁴¹ Confidential documents on file with the Commission

¹⁴² Confidential meeting, 1 August 2019.

¹⁴³ ERN 102689 - 102698; ERN 102594 - 102600, paras. 9-13; ERN 103142 - 103145; ERN 102675 - 102679, para.11; ERN 102609 - 102617, para. 5.

¹⁴⁴ ERN 102689 - 102690, paras. 10-11.

¹⁴⁵ ERN 102689 - 102690, para. 4; ERN 102594 - 102600, paras. 9-13.

¹⁴⁶ ERN 103137 - 103141.

¹⁴⁷ Wau Displacement Sites: Influx from Jur River March-June 2019, IOM Displacement Tracking Matrix, 16 July 2019, available at https://displacement.iom.int/system/tdf/reports/20190816%20IOM%20DTM%20Jur%20River%20displacement%20to%20Wau%20thematic%20report_1.pdf?file=1&type=node&id=6443.

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ Ibid.

¹⁵⁰ ERN 102627 - 102631; and ERN 102609 - 102617, paras. 12-15.

11 people near a school before looting all of the food in the village.¹⁵¹ Other witnesses indicated that SSPDF Division 5 soldiers who were present failed to intervene during the attack, but came to collect the dead bodies afterwards.¹⁵²

21. In several such incidents documented by the Commission, eyewitnesses had previously interacted with the cattle keepers and were able to identify by name the cattle camps and individuals who carried out the attacks on their villages.¹⁵³ Additionally, several interlocutors indicated the cattle being migrated belonged to high-ranking Government officials¹⁵⁴ who had engaged the cattle keepers to guard their cattle and provided them with ammunition and small-arms, as well as heavy weapons such as PKMs and RPGs.¹⁵⁵ Soldiers from SSPDF Division 5 reportedly played a key role in arming the cattle keepers from Tonj as they were from the same Dinka ethnic group.¹⁵⁶ The Commission also received information about County Commissioners and a high-ranking government official allegedly opening the stores from previous disarmament initiatives to provide cattle keepers weapons.¹⁵⁷

22. Local communities informed Commission investigators that by August 2019, youth self-defence groups had emerged to protect themselves and their communities against such attacks.¹⁵⁸ Youth were able to purchase their weapons from SSPDF soldiers who needed the income because they had not been paid their salaries.¹⁵⁹ One youth leader told the Commission he had purchased his AK-47 from an SSPDF soldier for 60,000 SSP.¹⁶⁰

23. As the SPLA-IO (RM) Division 6a forces were accused of being involved in counterattacks against the cattle keepers and other members of the Dinka community,¹⁶¹ the Commission observed that Government security forces began to target Luo youth, often accusing them of being rebels which in turn led some of these youth to seek protection by joining the armed opposition group.¹⁶² In other instances, Luo commanders affiliated with SPLA-IO (RM) sought to avenge attacks which involved their community by recruiting, at times forcefully, from among the youth, in violation of the cessation of hostilities agreement.¹⁶³

24. Between 3 and 6 July 2019, a Tri-State Peace Conference was held between Gogrial (Warrap), Wau (Western Bahr el Ghazal) and Tonj (Warrap) where members signed a deal resolving to cease hostilities and conduct comprehensive disarmament.

25. With respect to the administration of justice, witnesses and victims appeared most concerned that the compensation mechanisms in the Marial Bai Agreement and the Tri-State Peace Conference Resolutions had not been honoured.¹⁶⁴ The Commission observed that Luo suspects in these incidents tended to be the ones pursued and arrested.¹⁶⁵ While there was a cross-border Special Court established in Wau, local communities still expressed a

¹⁵¹ ERN 102627 - 102631, paras. 5-6; ERN 102632 - 102652.

¹⁵² ERN 103249 - 103254; ERN 102627 - 102631, para. 9; ERN 102609 - 102617, paras. 12-15; and ERN D120820 - 120826.

¹⁵³ ERN 102689 - 102690, paras. 9-20; ERN 102594 - 102600, paras. 10-13; ERN 102699 - 102706, para. 13; ERN 102627 - 102631, para. 5; ERN 102664 - 102670, paras. 9-14; ERN 102618 - 102626, para. 10; ERN 102707 - 102717, paras. 9-10.

¹⁵⁴ ERN 103358 - 103367, para. 7; ERN 102872 - 102876, para. 13; Confidential meeting, 6 July 2019.

¹⁵⁵ ERN 103249 - 103254; ERN 102872 - 102876.

¹⁵⁶ ERN 103249 - 103254; ERN 102797 - 102802, paras. 8-11; ERN 102872 - 102876, paras. 14-15; ERN 102632 - 102652, para. 22; and Confidential meeting, 6 July 2019.

¹⁵⁷ ERN 102850 - 102857, paras. 11-12; ERN 102797 - 102802, paras. 8-9; ERN 102803 - 102810, paras. 13-14.

¹⁵⁸ Investigator's Report; Confidential meeting, 9 July 2019.

¹⁵⁹ ERN 102850 - 102857, para. 11-12.

¹⁶⁰ ERN D120820 - 120826.

¹⁶¹ See, e.g., ERN 102546 - 102552; ERN 102580 - 102596, para. 7-13; ERN 102587 - 102593; ERN 102563 - 102568.

¹⁶² ERN 102872 - 102876, para. 17; ERN 102632 - 102652, paras. 25-31; Confidential meeting, 9 July 2019.

¹⁶³ ERN 102632 - 102652, para. 32; ERN 102618 - 102626, para. 15-17.

¹⁶⁴ Confidential Meeting, 22 September 2019.

¹⁶⁵ Confidential Meeting, 1 August 2019.

preference for informal compensation and reconciliation mechanisms, rather than criminal justice.¹⁶⁶

B. Mayom (Unity) and Twic (Warrap)

26. The Commission received credible information that between December 2018 and May 2019 the border area between Unity and Warrap states was marked by a high number of attacks and counter-attacks between Bul Nuer from Mayom (Unity) on one side, and Dinka from Tonj and Twic (Warrap) on the other.¹⁶⁷ The attacks resulted in hundreds of civilian casualties and thousands of cattle looted by both sides.¹⁶⁸

27. One of the deadliest attacks was launched by Dinka from Luoch and Low (Warrap) on a cattle camp in Load (Mayom County) in mid-January 2019,¹⁶⁹ which killed and injured hundreds of civilians¹⁷⁰ including dozens of women, children and infants.¹⁷¹ While some attackers wore civilian clothes, others were dressed in Tiger Battalion uniforms or SPLA uniforms including at least two persons with 3 stars, two persons with 2 stars and one person with one star on the shoulder boards.¹⁷² Civilian cattle raiders were supported by military [SSPDF forces]¹⁷³ and reportedly received their orders from a high-ranking Government official.¹⁷⁴ One victim stated to the Commission “My father and my three sisters were killed at 4.00 a.m. I was in the cattle camp in Load when it happened . . . A lot of people were killed, around 270 people, in Load . . . Among the 270 were women and small children, even babies. They took the cattle. They [the State Government of Tonj] were launching this attack because of tribal conflict between the Nuer and Dinka . . . I was also injured in the attack by bullet, it is still inside [my shoulder]. I asked the Governor of Northern Liech State for money for the treatment, but he does not give me money because I am with the opposition.”¹⁷⁵

28. Sources also believed that the heavy weapons were distributed by the Government of Tonj.¹⁷⁶ Attacks were carried out using light and heavy weapons including AK-47s (“Kalashnikovs”), PK machine guns (PKMs) and rocket-propelled grenades (RPGs).¹⁷⁷ Sources described how cattle keepers raided cattle while those in uniform fired weapons.¹⁷⁸

29. Beginning in April 2019 and onwards, a series of attacks and counterattacks between Dinka from Twic County (Warrap) and Bul Nuer from Mayom County (Unity) culminated in a final heavy attack on 28 May 2019 in which Bul Nuer from Mayom County attacked locations in the Turalei area (Warrap) resulting in the killing of 28 (22 Dinka from Turalei and four Bul Nuer from Mayom),¹⁷⁹ injuring of over 20,¹⁸⁰ the looting of thousands of cattle¹⁸¹ and burning down of shelters.¹⁸² Due to the magnitude of the incident, the Governor of Twic described the attack as a “military level operation.”¹⁸³ Following the wave of deadly attacks, the Governor of Northern Liech State convened a conference attended by the governors of

¹⁶⁶ Confidential Meeting, 22 September 2019.

¹⁶⁷ ERN 103303 - 103309, para. 4; ERN 102974 - 102977, paras. 7-8; ERN 102978 - 102981, para. 5; ERN 102982 - 102985, paras. 8 and 10; Investigator’s Report.

¹⁶⁸ ERN 103303 - 103309, para. 4.

¹⁶⁹ This attack was reportedly carried out in retaliation of an attack by Bul Nuer from Mayom (Unity) on Dinka communities in Yathngek and Majak Lian (Warrap), and reportedly caused more than a hundred civilian deaths.

¹⁷⁰ ERN 103290 - 103297, para. 5; ERN 103290 - 103297, para. 9; ERN 103285 - 103289, para. 9.

¹⁷¹ ERN 103073 - 103076, para. 4.; ERN 103290 - 103297, para. 5; ERN 103285 - 103289, para. 8; ERN 102978 - 102981, para. 7; ERN 103264 - 103268, para.11.

¹⁷² ERN 103290 - 103297, para. 20.

¹⁷³ ERN 103285 - 103289, para. 6; ERN 102982 - 102985, para. 6; ERN 103264 - 103268, para.9.

¹⁷⁴ ERN 103290 - 103297 para. 17; ERN 103073 - 103076, para. 6.

¹⁷⁵ ERN 103290 - 103297, paras. 4-5, and 8-9.

¹⁷⁶ ERN 103290 - 103297, para. 7; ERN 103073 - 103076, para. 6.

¹⁷⁷ ERN 103073 - 103076, para. 6; ERN 103290 - 103297, paras. 7, 20 and 22; ERN 103285 - 103289, para. 5; ERN 102982 - 102985 (a), para. 6.

¹⁷⁸ ERN 103290 - 103297, para. 12; ERN 103285 - 103289, para. 17.

¹⁷⁹ ERN 103303 - 103309, para. 7; and Confidential meeting note.

¹⁸⁰ ERN 103303 - 103309, paras. 7 and 11.

¹⁸¹ ERN 103303 - 103309, para. 4.

¹⁸² ERN 103303 - 103309, para. 7.

¹⁸³ ERN 103303 - 103309, para. 5.

Twic and Gogrial and 60 other civil and military authorities in Mankien (Unity) from 7 to 9 May 2019 to address the cross-border violence.¹⁸⁴

C. Jonglei

30. While deeply entrenched conflict between the Lou Nuer, Dinka and Murle pastoralist communities has historically played a defining role in the lives of civilians in Jonglei, this has been exacerbated by the national conflict. By the time the civil war spread to the region in December 2013, both the Government as well as the opposition capitalized on the ethnic divide and historical grievances, with several areas of the State changing hands over time.¹⁸⁵ Since cattle has always been central to the livelihoods of the Lou Nuer, Dinka and Murle pastoralists who occupy the region, as well as to their social and cultural systems, the spread of arms and increased militarization, commercialization of cattle and rising dowry price have incentivized cattle raiding and child abduction rendering it even more deadly in recent times.¹⁸⁶

31. In late November 2018, in the attempt to reconcile the divide between the Lou Nuer and Murle communities, a United Nations agency organized a peace delegation to travel to Lokomai in Liakangole to deliver food.¹⁸⁷ Witnesses told the Commission that after the food was offloaded from the boats and partially distributed in Lokomai, members of the Murle community launched an attack on the delegation, killing at least eight individuals.¹⁸⁸ Before fleeing the scene, the attackers reportedly stole food items such as sorghum, flour, oil and beans.¹⁸⁹ Relatives of the dead expressed concerns to the Commission regarding the killings as well as compensation for the loss of their loved ones.¹⁹⁰

32. Less than two months later, in January 2019, members of the Murle community attacked cattle keepers from the Lou Nuer community in Duchan and Kolabel villages (Jonglei), killing at least 47 individuals, injuring 78 others and stealing an estimated 1,000 heads of cattle.¹⁹¹ As one witness recounted, “At the time the Murle attacked us, I was walking in the front line . . . They rushed at us in one large group from the right side, as if they were coming from Akobo East. We were taken by complete surprise . . .”¹⁹² Though two of his family members were killed during the incident, the witness reported that no investigation had been opened.

33. In the absence of the rule of law and accountability, one woman told the Commission, “Given the insecurity in our area, we have started to send our children in the White Army to patrol the bush before we do anything . . . If the Murle loot our cattle, they quickly recover them. If they abduct our children, the White Army goes after them.” She added that women in the community support the White Army by rewarding them with food and water when they go to fight.¹⁹³ Following clashes between Lou Nuer sub-clans, the White Army replenished its *gojam* (select fighters from among its ranks) to maintain peace in Akobo Town in 2018.¹⁹⁴ The *gojam* wear uniforms and carry arms to protect civilians. Youth reported to the Commission that they obtain arms by recovering them during battle or bartering with SSPDF soldiers based in Waat for cattle. Indeed, the Commission documented the widespread circulation of arms among the youth, including arms registered to the NSS Internal Security Bureau.

¹⁸⁴ ERN 103303 - 103309, para. 4.

¹⁸⁵ Drivers of conflict in Jonglei State, Judith McCallum and Alfred Okech, Humanitarian Practice Network, May 2013, available at <https://odihpn.org/magazine/drivers-of-conflict-in-jonglei-state>.

¹⁸⁶ Ibid.

¹⁸⁷ ERN 102889 - 102893, para. 7.

¹⁸⁸ ERN 103234 - 103239, para. 12.

¹⁸⁹ ERN 103234 - 103239, para. 12.

¹⁹⁰ ERN 102889 - 102893.

¹⁹¹ ERN 103234 - 103239, para. 13; ERN 103371 - 103376, para. 11; ERN 102913 - 102917, para. 18; ERN 102918 - 102924, para. 18; ERN 103259 - 103263.

¹⁹² ERN 103259 - 103263, para. 7.

¹⁹³ ERN 103234 - 103239, para. 15.

¹⁹⁴ ERN 103353 - 103356; ERN 102913 - 102917, para. 18.

34. Witnesses expressed concerns that men were disproportionately targeted for killing during these incidents.¹⁹⁵ On the other hand, women, girls and boys were more likely to fall victim to abduction.

35. Towards the middle of the year, several measures were introduced to restore peace to the region. Speaking out against the resurgence in violence within their communities, women's associations condemned cattle raiding, kidnapping of children, road robberies and fighting between youth in Greater Jonglei on 7 May 2019.¹⁹⁶ In Spring 2019, the White Army planned a revenge attack in response to the November 2018 incident in Lokomai but after intervention from the Chairman of the SPLA-IO, Dr. Riek Machar, who reportedly encouraged them to allow the national peace process to address their concerns, they decided to abandon their mission and return home.¹⁹⁷ On 7 and 8 August 2019, the Inter-Communal Peace Dialogue among the Dinka, Lou Nuer and Murle of Jonglei introduced a Joint Peace Committee to report incidents of community-based violence.¹⁹⁸

36. Nevertheless, despite the peace conference, the Commission received information that attacks continued into late November 2019 when armed Murle elements reportedly killed at least one individual and looted cattle.¹⁹⁹ Several witnesses interviewed by the Commission, including children, indicated a high-ranking Government official organized members of the Murle community and provided them with arms.²⁰⁰ As one member of the Lou Nuer community told the Commission, "The issues between the Murle and the Lou Nuer . . . are not political in the sense that the Murle attack us and capture towns, but it is political in the sense that political actors are involved in influencing groups that raid cattle, abduct and kill our people. The Murle and Dinka Bor are with the Government and we are with the SPLA-IO."²⁰¹

III. Starvation

37. Millions of South Sudanese women, men and children continued to face acute food insecurity and do not know where their next meal will come from. During the reporting period, some 6.35 million individuals comprising 54 per cent of the population were classified as 'in Crisis' or worse 'acute food insecurity'.²⁰² The Greater Upper Nile region is currently the most food insecure, followed by the Bahr el Ghazal region.²⁰³ In 2019, the Human Development Index, which measures basic dimensions of human development, ranked South Sudan as the third worst nation state in which to reside, at 186 out of 189 countries.²⁰⁴

38. It is estimated that 1.3 million children will need treatment for acute malnutrition in 2020, 300,000 of whom will be severely acute malnourished. Despite a decrease in military confrontations, the proportion of children acutely malnourished grew from 13 per cent in 2018 to 16 per cent in 2019, above the emergency threshold of 15 percent.²⁰⁵

¹⁹⁵ ERN 102913 - 102917; ERN 102918 - 102924.

¹⁹⁶ Confidential documents on file.

¹⁹⁷ ERN 103399 - 103406, para. 19.

¹⁹⁸ ERN D120814 - D120815.

¹⁹⁹ ERN 103371 - 103376, para. 11; ERN 103377 - 103382, para 10; 102913 - 102917, para. 19.

²⁰⁰ ERN 103336 - 103340; ERN 103341 - 103344; ERN 103389 - 103394; ERN 103413 - 103419; ERN 103259 - 103263; ERN 103445 - 103448; and ERN 103383 - 103388.

²⁰¹ ERN 103377 - 103382, para. 8.

²⁰² South Sudan: IPC Acute Food Security Snapshot August 2019 – April 2020, FAO, available at <http://www.fao.org/in-action/kore/news-and-events/news-details/en/c/1208338>.

²⁰³ More than half the country struggles to survive despite improving conditions in South Sudan, FAO, 11 September 2019, available at <http://www.fao.org/south-sudan/news/detail-events/en/c/1207694>.

²⁰⁴ South Sudan Human Development Indicators, UNDP, 2019, available at <http://hdr.undp.org/en/countries/profiles/SSD>.

²⁰⁵ Humanitarian Needs Overview, OCHA, November 2019, at p. 3, available at https://www.humanitarianresponse.info/sites/www.humanitarianresponse.info/files/documents/files/ss_20191120_south_sudan_humanitarian_needs_overview_2020.pdf

39. The effects of food insecurity were compounded during the period under review by abnormally heavy rains and high levels of seasonal flooding. On 29 October 2019, President Kiir declared a state of emergency covering 30 counties in Greater Bahr el Ghazal, Greater Upper Nile and Greater Equatoria. The United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA) estimated that close to one million people were affected across the country. Some 72,600 metric tons of cereals were further lost due to flooding,²⁰⁶ amounting to approximately a 15 per cent loss in production. The situation remains worse for those internally displaced, including vulnerable children, elderly, widows, and disabled individuals.

40. While poverty and bifurcated weather seasons in the South Sudanese subsistence economy have substantially affected the availability of food countrywide, access to food and other vital objects indispensable to the survival of the population have been undermined by the actions of the government in control of strategic locations and where they have deliberately implemented strategies responsible for food insecurity. Armed groups holding territory for military advantage have behaved in a similar fashion.

41. Both government forces and armed groups have for example pursued policies responsible for the starvation of the population in Wau and Unity States (A/HRC/43/56/CRP.1). Such policies were envisaged and implemented as part of a wider strategy to deprive enemy communities of resources in order to force their capitulation, allow soldiers and militias to reward themselves, forcibly displace communities from ancestral lands that could then be expropriated or simply to compel individuals to join different factions engaged in the conflict. Denial of humanitarian access and displacement brought about by unlawful tactics have significantly exacerbated famine in different parts of the country, depriving hundreds of thousands of civilians of vital needs including access to food (A/HRC/43/56/CRP.1).

Violations and alleged crimes - findings

42. The Commission has reasonable grounds to believe that both government and opposition forces attacked, destroyed and rendered useless objects indispensable to the survival of the population and used starvation of civilians as means to achieve military objectives. Denying access to food was used as an instrument to target and punish non-aligning communities especially those deemed to support the enemy while rewarding supporters and maintaining community loyalties. Some victims described deliberate policies pursued in both government and opposition forces-controlled areas to destroy and loot primary means of livelihood such as fresh crops, livestock, and ready harvest on which civilians were dependent for their survival.

43. The Commission further has reasonable grounds to believe that the government of South Sudan did not fulfil its obligations under national and international law to progressively use all resources at its disposal to prioritize access to food and ensure freedom from hunger for its population in affected areas. It neither prevented, investigated nor punished perpetrators of these crimes. The Commission collected information which demonstrated, moreover, that disproportionate resources were deliberately diverted and spent in funding the armed conflict, and that corruption and embezzlement by senior government officials came at the expense of the starving population.

44. Specifically, these acts were contrary to Article 14 of the Additional Protocol II which prohibits the starvation of civilians as a method of warfare, Article 18 which guarantees access to humanitarian relief to civilians, and Article 8(2)(e)(ix) of the Rome Statute of the International Criminal Court which now includes as a war crime in non-international armed conflict intentionally using starvation of civilians as a method of warfare.²⁰⁷ Although South Sudan is not party to the Rome Statute, the war crime could still be prosecuted through a Security Council referral or in states which already include a similar war crime of starvation in their national criminal law.

²⁰⁶ Country Brief October 2019, WFP, available at https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000110949/download/?_ga=2.48343718.1269336333.1575637372-1581897920.1575637372.

²⁰⁷ Art 8(2)(e)(ix): 'Intentionally using starvation of civilians as a method of warfare by depriving them of objects indispensable to their survival, including wilfully impeding relief supplies'.

45. These acts were further contrary to Article 25 of the Universal Declaration of Human Rights which guarantees a right to food as part of an adequate standard of living. While there is no express provision in the African Charter on Human and Peoples' Rights which guarantees the right to food, the African Commission on Human and Peoples' Rights has stated that the "Right to food is implicitly protected under the African Charter on Human and Peoples' Rights through the right to life, the right to health, and the right to economic, social and cultural development".²⁰⁸

46. At the national level, the right to food may be construed by Articles 9(3) and 11 of the Constitution which guarantee both the domestic application of international human rights instruments to which South Sudan is a state party and the right to life and human dignity. The interdependence, indivisibility and interrelated nature of all human rights form another basis of the recognition of the right to food.

47. Based on the information collected, the Commission concludes that incontrovertible and sufficient evidence exists to hold to account individuals both in government and on the armed opposition under international and national laws that have pursued policies leading to starvation of the population.

IV. Sexual and gender-based violence

48. Sexual and gender-based violence, including conflict related sexual violence²⁰⁹ continued to be widespread and pervasive in South Sudan, characterised by a recognizable pattern of terror and subjugation. During the period under review, violations documented by the Commission included rape and gang rape, sexual mutilation, forced marriage, abduction and sexualised torture.²¹⁰ Children including young girls were also victims of sexual exploitation.²¹¹

49. The current environment in South Sudan remains insecure and often deadly for South Sudanese women and girls as bodily integrity cannot be guaranteed. The DDR of various forces including members of armed groups exacerbated insecurity for women and girls, as the inadequate nature of cantonment and uncertainty over livelihoods for cantoned soldiers drove them to roam around civilian inhabited areas in search of food and water, rendering women and girls vulnerable to abuse.

50. Though conflict at the national level decreased following the signing of the R-ARCSS in September 2018, localized and intercommunal conflict(s) adversely impacted on women and girls, as well as men and boys. As conflict at the local level escalated significantly between December 2018 and November 2019 and generated heightened insecurity and violence, it further created an environment for criminal activity in which sexual and gender-based violations thrived.²¹²

51. Incidents of sexual and gender-based violence arising from localized conflict included rape and gang rape, forced nudity, abduction, sexualised torture and forced marriage.²¹³ Evidence collected by the Commission confirmed that perpetrators of sexual violence in the context of localised conflict were mainly cattle keepers and young men, some of whom

²⁰⁸ 155/96: Social and Economic Rights Action Center (SERAC) and Center for Economic and Social Rights (CESR) / Nigeria, para. 65

²⁰⁹ "Conflict-related sexual violence refers to incidents or patterns (for the purposes of listing in accordance with Security Council resolution 1960 (2010)) of sexual violence, that is rape, sexual slavery, forced prostitution, forced pregnancy, enforced sterilization or any other form of sexual violence of comparable gravity against women, men or children. Such incidents or patterns occur in conflict or post-conflict settings or other situations of concern (e.g. political strife)." See 66/657-S/2012/33, para. 3. "Gender-based violence is considered to be any harmful act directed against individuals or groups of individuals on the basis of their gender. Gender-based violence may include sexual violence, domestic violence, trafficking, forced/early marriage and harmful traditional practices." See A/HRC/27/21, para. 3 (internal citation omitted).

²¹⁰ ERN 103469 - 103474; ERN 102632 - 102652.

²¹¹ ERN 102991 - 102995

²¹² ERN 102940 - 102943.

²¹³ ERN 102664 - 102670; ERN 102660 - 102663; ERN 102627 - 102631; ERN 102680 - 102688; ERN 102609 - 102617; ERN 102632 - 102652.

belonged to organized militias operating under the command and control of both government and opposition forces.²¹⁴ Local authorities have neither investigated nor prosecuted any cases reported.

On-going violations

52. Conflict related sexual violence has been so prevalent and widespread that survivors have normalised their experiences of rape. One witness told the Commission: “This war has drained me [...] I have been raped repeatedly. Sometimes we [women] stop talking about this, its normal. We go to get fire wood, we are raped, and we come back, what can we do? [...] The third occasion [when I was raped] was this year, 2019, in September [...]”²¹⁵

53. In a previously documented pattern, abductions targeting women on ethnic grounds continued during the reporting period. A witness described how two women she was traveling with while in search of firewood were abducted because of the ethnic community they belonged to. Both women were married with children and have not been seen since.²¹⁶

54. The Commission has documented the following non-exhaustive patterns of sexual and gender-based violations throughout the course of the conflict: (i) Sexual assault in conjunction with looting and intimidation of a target ethnic group; (ii) sexual assaults in conjunction with fighting in an area, usually including the rape of women in public before family members; (iii) sexual assault in detention centres of both women and men; (iv) assaults against women for the purpose of terrorizing and humiliating them usually as part of a targeted ethnic attack and a recognizable pattern of terror and subjugation; and (v) sexual enslavement of women.

Harms suffered and consequences

55. During the reporting period, survivors of sexual and gender-based violence experienced physical bodily trauma, forced and unwanted pregnancies, sexually transmitted infections, psychological trauma, post-traumatic stress disorders, stigma and ostracization owing to negative societal perceptions of being a “rape victim” and suspicion of having contracted HIV.²¹⁷ These consequences had adverse impact on the reproductive health of most survivors who described severe physical pain and bodily trauma experienced during rapes and immediately after. Many are living with long-term physical repercussions and severe psychological trauma resulting from the attacks. The Commission found that some survivors did not receive adequate medical attention or support following the violations they had endured.²¹⁸

56. The Commission also notes with concern the impact of sexual violence on South Sudanese men and boys which remained massively underreported as most male survivors were unwilling to speak about their experiences. Underreporting was attributed in part to limited awareness, societal stigma and shame.

57. Moreover, South Sudanese IDPs and refugees reported that multiple conflict-induced displacements over time have left them traumatised, depressed and despondent. The uncertainty experienced by those residing in protection of civilian sites also continued to have a negative impact on gender relations.²¹⁹ As with men and boys, notions of stigma and shame linked to sexual and gender-based violence remained a critical obstacle for many women and girls in their communities. For example, several spoke at length about the stigma linked to children born as a result of rape.²²⁰

Unity State 2018

58. In March 2019, the Commission reported that more than 125 women had allegedly been raped on the Nhialdu road²²¹ – in the Bentiu-Guit-Nhialdu triangle – over a 10-day

²¹⁴ ERN 102680 - 102688; ERN 102632 - 102652; ERN 102653 - 102659

²¹⁵ ERN 103475 - 103480.

²¹⁶ ERN 102587 - 102593.

²¹⁷ ERN 103469 - 103474.

²¹⁸ ERN 103495 - 103498.

²¹⁹ ERN 103499 - 103503.

²²⁰ See, e.g., ERN 103469 - 103474.

²²¹ A/HRC/40/CRP.1, paras. 456, 458.

period beginning in September and peaking in November 2018.²²² The Government of South Sudan disputed the allegations and dismissed with contempt media reports on the matter.²²³ The Government's internal investigation concluded that reported figures of 125 rapes over a 10-day period could not be verified.²²⁴ It did, however, confirm that 16 isolated cases of sexual violence occurred during this period. Local authorities confirmed between four and five cases reported every month of the period.²²⁵ A senior County official confirmed to the Commission that the government's investigation had neither been thorough nor comprehensive.

59. In response to the alarming number of cases of sexual violence in the Bentiu area, the UNMISS Human Rights Division conducted its own investigation in northern Unity, for the period September to December 2018, and documented 55 incidents affecting 175 victims of violence, including 134 cases of rape or gang rape and 41 other forms of gendered violations.²²⁶ The UNMISS report confirmed on-going patterns of sexual and gender-based violence in the region since the outbreak of the conflict in 2013-14,²²⁷ a trend that continued to date.

60. The Commission welcomes the Government's deployment of an investigation committee as a positive step but finds that the government's on-going denial and intimidation of witnesses has created a climate of fear preventing survivors from reporting, effectively hampering prospects for criminal accountability. Army commanders in the Bentiu area have been informed of these violations and are obligated to act to prevent and refer for prosecution where these violations are known.

Yambio (Western Equatoria) 2019

61. The Commission also gathered information on allegations of sexual slavery, forced marriage, forced labour and the rape of women and girls unlawfully detained in an SPLA (IO) military base in Yambio.²²⁸ On 28 July 2019, the SPLM/SPLA (IO) Chairman and Commander in Chief, Dr Riek Machar, issued unequivocal orders to "release without delay" women and girls held on SPLA (IO) bases in Western Equatoria (Sector 6).²²⁹ While the Commission commends the leadership of the SPLA (IO) for its rapid response, it remains gravely concerned that very few women have been released or allowed to leave.²³⁰

62. SPLM/SPLA (IO) leadership have publicly committed to ensure the release of the women as well as to prevent and address sexual violence within their ranks. However, they have also expressed difficulties in doing so given limited access to the women concerned, as well as reluctance by the commanders and other military personnel to allow the women to leave. The Commission continues to monitor this situation and notes efforts by relevant leadership to ensure it is addressed fully and to completion.²³¹

Responses by the State and other authorities

63. The Commission notes that the main obstacles to accountability for sexual and gender-based violence are the deliberate failure and lack of political will by the government

²²² UNMISS & OHCHR *Conflict related sexual violence in Northern Unity, September – December 2018*, 15 February 2019, available at: <https://unmiss.unmissions.org/human-rights-reports>

²²³ No evidence to back claims of Bentiu rapes: investigation team, Radio Tamazuj, 21 December 2018, available at <https://radiotamazuj.org/en/news/article/no-evidence-to-back-claims-of-bentiu-rapes-investigation-team>; see also Republican Order No. 25/2018.

²²⁴ Confidential Report, CHRSS Files.

²²⁵ Confidential Report, CHRSS Files.

²²⁶ *Report of the Commission on Human Rights in South Sudan, 20 February 2019* (A/HRC/40/CRP/1)

²²⁷ See UNMISS & OHCHR *Indiscriminate attacks against civilians in Southern Unity, April – May 2018*

²²⁸ Confidential Meetings, CHRSS Files.

²²⁹ ERN D120827 - D120828.

²³⁰ About 40 to 50 women and girls have been able to leave the army base. However, it has also been reported that several of the women after having been joined to a soldier and now having borne children out of the relationships within the base overtime, face discrimination when they attempt to return to their communities. In these situations, some women have returned to the base where they are able to obtain food and some form of livelihood. Confidential meetings.

²³¹ ERN D120829 - D120829.

of South Sudan to hold senior commanders and the security forces accountable. Even where evidence was available, the Government of South Sudan has repeatedly failed to take steps to decisively deal with these incidents in clear violation of their obligations under international and domestic law.²³² To date, there have been no reported prosecutions of incidents of sexual and gender-based violence, and instead the Government has deliberately sought to silence those who have courageously reported the violations they endured. The Government of South Sudan can no longer rest on its laurels for the successful prosecution of the perpetrators in the Terrain case (A/HRC/40/69, para. 43) and needs to act decisively to address the on-going impunity.

64. The government's only response to such violations has been to announce establishing specialized chambers. Beyond providing a building, these chambers are yet to be operationalized.²³³ The situation is rapidly deteriorating with a backlog of more than 200 cases, increasing daily.²³⁴ Four judges have been appointed to handle the cases, comprising one female and three males.²³⁵

Violations and alleged crimes - findings

65. The Republic of South Sudan has acceded to several international and regional human rights instruments that reaffirm the rights of women and girls to equality and dignity. It has acceded to the United Nations Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women,²³⁶ the United Nations Convention against Torture²³⁷ and the Convention on the Rights of the Child.²³⁸ It is also a party to the African Charter on Human and People's Rights and has signed but not ratified the Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Rights of Women in Africa (Maputo protocol).²³⁹ These instruments guarantee equal rights and dignity for both women and men, equality before the law and prohibit any form of discrimination on the basis of sex or gender.

66. Based on the foregoing, the Commission has reasonable grounds to believe that members of government engaged in acts that violated the right of women and girls to equality before the law and prohibition of any form of discrimination,²⁴⁰ guaranteed by the Convention on Elimination of All Forms of Discrimination against Women. They also violated the right of victims to freedom from torture.²⁴¹ Certain conduct further violated rights against early and forced marriage,²⁴² the right to life,²⁴³ dignity²⁴⁴ and prohibition of all forms against discrimination²⁴⁵ guaranteed by the Maputo Protocol of the African Charter on Human and Peoples Rights on the Rights of Women.

67. These acts were also contrary to the laws of South Sudan, most notably the right to equality before the law guaranteed by the Constitution of South Sudan protection from sexual abuse guaranteed by the Child Act 2008.²⁴⁶ They were further contrary to the Penal Code which prohibits rape and abduction of women for purposes of early marriage, or sexual abuse.²⁴⁷

²³² Legal Action Worldwide (LAW): "First legal case lodged against South Sudanese Government for rape and sexual slavery" before the Committee on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW), December 2018; ERN D116272.

²³³ Confidential Meeting.

²³⁴ Confidential Meeting.

²³⁵ Confidential Meeting.

²³⁶ Acceded to in 2015.

²³⁷ Ibid.

²³⁸ Ibid.

²³⁹ Signed in 2013.

²⁴⁰ CEDAW, Art. 2.

²⁴¹ UNCAT, Art. 2.

²⁴² Maputo Protocol, Art. 6.

²⁴³ Ibid., at Art. 4.

²⁴⁴ Ibid., at Art. 3.

²⁴⁵ Ibid., at Art. 2.

²⁴⁶ § 26: "Every female child has a right to be protected from sexual abuse and exploitation and gender-based violence, including rape, incest, early and forced marriage, female circumcision and female genital mutilation".

²⁴⁷ §§ 247 and 273.

68. The Commission finds that many Commanders have been responsible for deliberately inciting sexual and gender-based violations, by giving *carte blanche* to young recruits to abduct women and hold them as sexual slaves, by setting an example by their own conduct or by condoning such crimes and failing to take action to hold those responsible for such crimes accountable.

69. The Commission also finds that non-state actors including opposition forces are not exempt from responsibility for sexual and gender-based violence. Despite efforts to implement an action plan on preventing and addressing sexual violence in conflict, the Commission urges the military and civilian leadership of the opposition to robustly address sexual and gender-based violations perpetrated by those in their ranks.

70. Beyond prevailing impunity, so long as denial and stigma prevail the accountability for sexual and gender-based violations further remains a grave challenge. In its report of March 2019, the Commission found a direct nexus between the lack of gender equality in the country and the prevalence of sexual and gender-based violence (A/HRC/40/69, para. 42). Impunity for sexual and gender-based violence in South Sudan is therefore exacerbated by underlying gender inequality and the ethnic dimensions of the conflict at both the national and local levels.

V. Continued denial of fundamental freedoms

A. Freedom of expression, opinion and assembly, arbitrary arrest and detention

71. A hallmark of the conflict since 2016 has been increasing securitization and ethnicization of the State security apparatus. These institutions have continued to engender a heightened climate of fear among communities and civil society (A/HRC/40/CRP.1, para. 237). During the period under review, individuals continued to describe being deprived of their fundamental freedoms including freedom of opinion, expression and assembly which impacted on human rights defenders, the publication of newspapers, the work of journalists and freedom of the press more generally. Civilians increasingly raised concerns regarding witness protection as a prerequisite to interacting with the Commission. As one South Sudanese woman expressed, “Citizens are so afraid [of being watched] that they do not even buy newspapers”.²⁴⁸ For 2019, the World Press Freedom Index compiled by Reporters Without Borders ranked South Sudan 139 out of 180 countries.²⁴⁹

72. The Commission spoke to numerous individuals including civil society organizations who had experienced how civic space for freedom of expression and speech had been severely curtailed by the security apparatus, particularly the NSS, who continued to clamp down on the media, shut down radio stations and newspapers, and arrested, harassed and intimidated journalists and human rights defenders. Humanitarian organizations also expressed reservations about heightened surveillance. Members of civil society organizations in Juba, for example, expressed concerns over State monitoring of their private social media and digital communication accounts.²⁵⁰ Others, including in Juba and Wau, were unable to conduct workshops without the express consent of NSS, who interlocutors believed were infiltrating and attending their workshops.²⁵¹ One interlocutor explained how State Security may determine the size of a workshop and the subject of discussion.²⁵² The Commission also

²⁴⁸ Ibid.

²⁴⁹ Reporters Without Borders, <https://rsf.org/en/south-sudan>. This ranking is based on several criteria including pluralism, media independence, media environment and self-censorship, legislative framework, transparency and the quality of infrastructure supporting the production of news and information.

²⁵⁰ Confidential meeting, 21 August 2019; ERN 102903 - 102908, para. 14.

²⁵¹ ERN 102996 - 103002, para. 5; ERN 102903 - 102908, para. 16.

²⁵² ERN 102903 - 102908, para. 16.

continued to document cases where NSS did not authorize workshops and meetings of civil society groups to be held, despite the civic nature of their purpose.²⁵³

73. The media has repeatedly faced intimidation, harassment, threats and censorship, primarily from the security forces. This climate of repression has been marked by the closure of radio stations and the suppression of publications that convey information deemed to be critical or unfavourable to Government.²⁵⁴ Coverage of certain topics considered by officials to be too sensitive for public consumption included security and military matters, federalism, corruption, the opposition and even the peace process. This pervasive trend of censorship and manipulation of information comes at a moment when it is crucial for the people of South Sudan to engage in free and open debate about their future.

74. Though the South Sudan Media Authority was established in 2014 as a government agency to protect journalists, including those working to expose violations of human rights, it has instead become a tool for oppression and has been instrumental in revoking accreditations and work permits of such individuals. The Commission notes with concern the silencing of foreign journalists by the State apparatus, including the Media Authority, during the reporting period. These actions appeared to be calculated to prevent media scrutiny as the then deadline for the establishment of R-TGoNU on 12 November 2019 approached.

75. In the weeks leading up to the deadline, at least two foreign journalists were declared *persona non grata* by the State. One Associated Press journalist had her press credentials revoked on 31 October 2019 and was expelled for six months with the State finding that she had “concocted misinformation intended to create panic and fear of the unknown.”²⁵⁵ Less than one week later, on 4 November, a French journalist on assignment with France24 was reportedly similarly deported.²⁵⁶

76. Members of civil society based in Juba further recalled how NSS agents had been arbitrarily arresting and detaining their staff, forcing on numerous instances individuals to exile themselves abroad.²⁵⁷ One civil society representative recalled how “staff are picked up and taken for questioning and ultimately detained at the Blue House.”²⁵⁸ Those who had returned to South Sudan were too afraid to continue to work publicly.²⁵⁹

77. On 26 March, the Media Authority suspended Al-Watan newspaper for alleged non-compliance with licensing requirements. On 17 July, its editor-in-chief was arrested at Juba airport by NSS agents who forced him off a flight and confiscated his passport.²⁶⁰ Another civilian was tortured by NSS Officers and repeatedly detained unlawfully in solitary confinement at the Blue House for several months in total.²⁶¹ On 4 August 2019, the former manager of Yirol Community Radio was reportedly released following nearly three weeks in prison. He had been arrested at the airport on 10 July for allegedly making defamatory remarks against the governor of Eastern Lakes State on social media.²⁶²

78. On 2 January 2020, President Kiir pardoned via presidential decree dozens of prisoners, including high profile political detainees. Peter Biar Ajak, a political activist who

²⁵³ ERN 102996 - 103002, para. 5; Confidential meeting.

²⁵⁴ ERN 103529 - 103537; ERN 102903 - 102908; ERN D120812 - D120812; ERN D120785 - D120790.

²⁵⁵ Twitter, 31 October 2019, available at <https://bit.ly/30mSuUE>; ERN 102903 - 102908, para. 10; and ERN D120813 - D120813.

²⁵⁶ South Sudan expels another journalist, second in two weeks, Reporters Without Borders, 7 November 2019, available at <https://rsf.org/en/news/south-sudan-expels-another-journalist-second-two-weeks>.

²⁵⁷ Confidential meeting, 7 November 2019; Confidential meeting, 14 November 2019; Confidential meeting, 15 November 2019; and Confidential meeting, 16 November 2019.

²⁵⁸ Confidential meeting, 7 November 2019. The NSS headquarters in Juba is commonly known as the “Blue House.”

²⁵⁹ Confidential meeting.

²⁶⁰ ERN 102903 - 102908, para. 10.

²⁶¹ ERN 103538 - 103547, paras. 31 -33.

²⁶² Eastern Lakes authorities release detained journalist, Radio Tamazuj, 4 August 2019, available at <https://radiotamazuj.org/en/news/article/eastern-lakes-authorities-release-detained-journalist>.

was detained by the NSS at Juba International Airport on 28 July 2018, and prominent businessman Kerbino Wol Agok were among the group released.²⁶³

Violations and alleged crimes - findings

79. The responsibility of the Government to promote and protect democratic space and foster an inclusive political environment, including through freedom of expression, peaceful assembly and association is a hallmark of the State's duty to uphold justice and rule of law. These violations do not occur because South Sudan lacks a sound legal system or the absence of national and international legal frameworks to prevent and punish them, but rather should be attributed to the on-going and entrenched impunity across state institutions and leadership, which allow those in positions of authority to act in flagrant disregard for the law in the belief that they will not be held accountable for their acts.

80. The Commission has collected evidence which indicates that members of the State Security forces were involved in the unlawful journalists and editors,²⁶⁴ harassed and detained members of civil society considered critical of the government, infiltrated civic organizations,²⁶⁵ suspended newspapers deemed critical of the state and revoked journalists' accreditations whom they accused of breaching national security. Collectively, these acts were contrary to national and international human rights obligations to protect the fundamental rights and freedoms of those within its jurisdiction. The Commission has documented that these actions of the government through its security organs and Media Authority were unlawful. Any derogation, suspension or suppression of freedom of expression must be proportionate, non-discriminatory and limited to address the emergency or situation. Restrictions and suppression during the period under review were not warranted as there was no such emergency nor situation warranting the same.

81. The acts pursued violated the right to information and expression,²⁶⁶ freedom of association²⁶⁷ and freedom of assembly²⁶⁸ under the African Charter on Human and Peoples' Rights. The acts were also contrary to Article 24 of the Transitional Constitution of South Sudan (2011) which guarantees the right to freedom of expression, reception and dissemination of information and the Media Authority Act (2013) which enshrines principles of freedom of the press including reiterating the fundamental nature of Article 24 of the Transitional Constitution. Based on the Commission's findings, there is sufficient evidence to hold to account both individuals and entities involved for the violations of above-mentioned fundamental rights and freedoms.

B. Enforced disappearance, abduction and torture

82. Civilians in Western Bahr el Ghazal, Unity and Central Equatoria observed persistent fighting, with upsurges in April, June and August 2019 marked by an increase in scale and severity of violations, in particular abduction and enforced disappearances. Witnesses indicated that disappearances were characterized by prior inter-ethnic conflict and the presence of armed groups in these regions.

83. The Commission continued to gather evidence in the case of human rights lawyer Dong Samuel Luak and opposition politician Aggrey Idri who disappeared from the streets of Nairobi, Kenya in January 2017. By multiple accounts, the two men were reportedly transferred unlawfully to South Sudan with the involvement of the South Sudanese security services. On 9 April 2019, the United Nations Panel of Experts reported the men were killed

²⁶³ ERN D120816 - D120819. In October 2018, the Pan African Lawyers Union (PALU) had instituted a case against the government of South Sudan at the East African Court of Justice challenging the arbitrary arrest, unlawful detention and torture of Kerbino Wol. The case is still on-going. See EACJ, case no. 18/2018.

²⁶⁴ ERN 102903 - 102908, para. 10

²⁶⁵ Ibid.

²⁶⁶ Art. 9.

²⁶⁷ Art. 10

²⁶⁸ Art. 11

in the NSS detention and training facility in Luri, part of a presidential and security service complex approximately 20 kilometres west of Juba.

Violations and alleged crimes - findings

84. The Commission has encountered families of victims who have disappeared while in the custody of the government or after having been abducted by armed opposition.²⁶⁹ Unfortunately, in all cases identified, and despite the repeated inquiries by family members and relatives, neither the fate nor whereabouts of these individuals has been determined, as the government as well as opposition groups have refused to acknowledge the arrest and detention of such individuals.

85. South Sudanese authorities have repeatedly denied disappeared persons the right to recognition as a person before the law, depriving them and their families of the capacity to exercise rights and to access remedies for rights violations.

86. Through acts of enforced disappearance, South Sudanese authorities further violated other fundamental rights the rights to a fair trial and judicial guarantees. South Sudan has failed in its duty to investigate in good faith all allegations of human rights violations, in particular where the authorities alone had the relevant information, as is often the case if persons subjected to enforced disappearance.

VI. Accountability and transitional justice

A. Accountability

87. Entrenched impunity and a lack of accountability for gross human rights violations and abuses, serious violations of international humanitarian law and international crimes continues to characterize the human rights situation in South Sudan. The persistent failure to address violations and abuses of the past, on-going denial and a profound lack of political will to hold individuals and groups accountable, has been the key driver of violence. The Commission's findings confirm that impunity remains deeply entrenched and that victims continued to be denied their right to an effective remedy and reparations.

88. The Commission finds that there have been no effective criminal investigations into the numerous violations documented in its previous reports and by other organizations. Undoubtedly, the lack of political will at the highest level of government to hold perpetrators accountable, and persistent interference by the government in judicial matters are the chief obstacles to accountability. Moreover, existing investigative bodies often lack independence and transparency. Flawed procedures mean that prosecutors often decline to initiate investigations and prosecutions in the absence of formal complaints by victims, who fear stigma, reprisals and victimization. Known individuals, having committed grave violations, have instead been reappointed to higher political office without any form of accountability; one such individual had been identified in a UN report as bearing the greatest responsibility for grave violations, possibly amounting to war crimes, in southern Unity between April and May 2018.

B. Transitional justice

89. Transitional justice in the context of South Sudan is critical and indispensable to achieving sustainable peace, national reconciliation and healing, and rebuilding the rule of law. Decades of violent conflict characterised by unspeakable violations combined with weak rule of law institutions have resulted in diminished security, lawlessness and a population sharply divided along ethnic lines. Immense political and social investment is therefore required to rebuild such a society and to achieve a durable peace where the rule of law is re-

²⁶⁹ Since only States can become party to the International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance, the Commission uses the term "abduction" to denote similar acts carried out by members of armed groups.

established, gross human rights violations and abuses are addressed and measures of reconciliation and healing are prioritised.

90. Chapter V of the ARCSS, as reconfirmed by the R-ARCSS, lays down a holistic programme for achieving these goals. Their implementation will assist South Sudan to come to terms with the legacy of its past. However, the establishment of the three Chapter V transitional justice mechanisms has stalled in the face of a lack of political will on the part of the government, and the absence of decisive action by the African Union and regional actors. Delays in the formation of the R-TGoNU have been used as justification for holding up the establishment of the Hybrid Court, denying justice to South Sudanese victims.

C. The Hybrid Court for South Sudan

91. The establishment of the Hybrid Court has been marked by delay and obstruction by the Government. The AU's 2017 negotiations with the Government to establish the court ended in a stalemate, leaving the memorandum of understanding between the AU and the Government unsigned. Domestic legislation to operationalize the court was never adopted. Since the signing of the R-ARCSS, the government has contended that the Court must be formed by the R-TGoNU; but if the R-TGoNU continues to be delayed, the Commission takes the view that the AU Commission (AUC) and the incumbent TGoNU must establish the Court. Since both the ARCSS and R-ARCSS were designed to deliver transitional justice, the provisions on power-sharing should not be used to delay the activation of the justice or reconciliation mechanisms. If the incumbent TGoNU fails to cooperate, the AUC should consider establishing the Court as the Commission takes the view it has the legal authority to do so. The AUC could begin preparations, including by establishing an investigative mechanism to complement the collection and preservation of evidence, pending the full operationalization of the court.

D. Commission for Truth, Reconciliation and Healing (CTRH)

92. While the government has pledged publicly to support the establishment of the CTRH, it has not committed the required resources. A technical committee created in 2017 to support sensitization activities and raise awareness about the CTRH conducted limited consultations across the country with minimal impact, leaving questions about the timing, relevance and credibility of the process. In order to achieve the goals of the process, all South Sudanese should be able to participate freely in the agreed processes for establishing the truth, understanding the causes of conflict and promoting reconciliation and healing. This requires a climate of freedom rather than the current environment of suppression of dissent and freedom of expression and assembly. While the country is still at war, and significant numbers of citizens remain displaced and exiled, an open and genuine reconciliation, healing and reconciliation processes would be difficult to achieve. It is imperative that the parties resolve outstanding differences preventing the total end of the conflict and the formation of the R-TGoNU.

E. Compensation and Reparation Authority (CRA)

93. As with the other two Chapter V mechanisms, the Government has failed to establish the CRA and a Reparation Fund even though the ARCSS stipulated six months for the enactment of the necessary legislation. These are central pillars of transitional justice, but no effort has been made to conduct any consultations whatsoever on the CRA. While the Commission is aware that the Government has had concerns about the monetary cost of reparations it calls upon the Government to set aside at least 1 per cent of oil revenues for reparations, and in addition, can also invest in other non-monetary reparations.

F. National Dialogue

94. While the National Dialogue process continues to gather and analyse information from within and outside the country in preparation for a national conference scheduled for March 2020, concerns about its lack of inclusivity and whether it is a vehicle to replace the Hybrid Court have remained. The Commission continues to hold the view that while the findings of the National Dialogue should be preserved and acted upon, care should be taken to that it does not duplicate, or contradict, the work of the Chapter V mechanisms.

Annex III

Applicable law

1. The Commission conducted its work within the frameworks of international human rights law, international humanitarian law, international criminal law and the domestic law of South Sudan. The Commission's Report of 2018 set out in detail the law applicable to South Sudan (A/HRC/37/CRP.2, paras. 98-163).

2. South Sudan is party to range of international and regional human rights instruments which reaffirm its obligations to protect fundamental rights and freedoms. It has ratified the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment and its Optional Protocol; the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women and its Optional Protocol; and the Convention on the Rights of the Child and two of the Optional Protocols – on the involvement of children in armed conflict and on the sale of children, child prostitution and child pornography. South Sudan has also acceded to the United Nations Convention against Corruption and is party to the 1951 Refugee Convention and its 1967 Protocol. While the South Sudan Transitional National Legislative Assembly ratified in July 2019 the International Covenant on Civil and Political Rights, International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights and their First Optional Protocols respectively, the Government has not yet transmitted the instruments of accession to the United Nations, and, therefore, South Sudan is not yet a party to these four treaties. The Commission encourages the Government of South Sudan to send the necessary instruments of accession without delay.

3. South Sudan is also a party to the African Charter on Human and Peoples' Rights and its Protocol on the Rights of Women in Africa, the Organization of African Unity Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa, as well as to the African Union Convention for the Protection and Assistance of Internally Displaced Persons in Africa (Kampala Convention). The Government of South Sudan has signed but not ratified the African Charter on the Rights and Welfare of the Child and the African Union Convention on Preventing and Combating Corruption.

4. A non-international armed conflict began in South Sudan on 15 December 2013. Consequently, parties to the conflict, and new conflicts that have arisen since then, are bound by Article 3 common to the four Geneva Conventions of 12 August 1949 and their Additional Protocols II and III (South Sudan is a party to all four Geneva Conventions and all three Additional Protocols) and by relevant customary international humanitarian law. Despite the signing of a permanent ceasefire (2017) and subsequent peace agreement (2018), the Commission assesses that hostilities have persisted to the extent that both international humanitarian law and international human rights law continued to apply throughout the reporting period.

A. Recruitment and the use of children in armed conflict

5. The Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the involvement of children in armed conflict sets 18 years as the minimum age for direct participation in hostilities, and for recruitment into armed groups. The recruitment and use of children in conflict is also contrary to section 22(2) of the SPLA Act (2009) and Article 31 of the Child Act (2008).²⁷⁰

6. The present report applies the definition of "children" in accordance with the Convention on the Rights of the Child (hereafter, "the CRC") to which the Republic of South Sudan is a party. Pursuant to Article 1 of the CRC, a "child" is defined as every person

²⁷⁰ During her visit to Addis Ababa on 10 May 2014, the Special Representative for Children and Armed Conflict had signed a commitment agreement with Riek Machar to end grave violations against and provide assistance to children, and to appoint a high-level focal point, Report of the Secretary-General on children and armed conflict in South Sudan, S/2014/884, 11 December 2014, at p. 15.

younger than 18 years, unless, according to the law applicable to the child, a child becomes an adult earlier. In accordance with international standards, the 2008 Child Act of South Sudan also defines children as individuals under the age of 18. The Act further upholds the rights of children to non-discrimination, to life, survival and development, to education, well-being and health and to liberty and security of person. It sets the minimum age for conscription or voluntary recruitment into armed forces or groups at 18 years and prohibits the use of children in military or paramilitary activities.²⁷¹

7. South Sudan made two declarations to the Optional Protocol. On Article 3, it stated that “the minimum age at which it permits recruitment of volunteers in Armed Forces is eighteen years and in accordance with section 22 of the Sudan Peoples’ Liberation Army Act, 2009”. It further stated “that the safeguards provided in Article 3(2) of the Optional Protocol on Involvement of Children in the Armed Conflicts and in the Sudan Peoples’ Liberation Army Act, 2009 shall be observed and bound by to ensure that all recruitment is made in public places and not done under force or duress, advertised in the press and national media for young people, the recruits undergo medical examination and the record consist of recruitment as appropriate, among others, a birth certificate, certificate of education or apprenticeship”.

B. Localized conflict(s)

8. As part of their obligation to protect human rights, States must prevent, investigate, punish and ensure redress for human rights violations committed by both those within their ranks and non-state actors. South Sudan is a party to the Geneva Conventions of 1949 and their Additional Protocols, which demand that parties to a conflict respect the rules on the conduct of hostilities (especially the rules on precaution, distinction and proportionality) as well as rules for the protection of the victims of armed conflict. The treaties have been incorporated in the law of South Sudan.²⁷²

9. South Sudan is also party to international human rights instruments such as the African Charter on Human and Peoples’ Rights, the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, and, again, the Convention on the Rights of the Child and its Optional Protocol on the Involvement of Children in Armed Conflict. These treaties require respect for human rights including right to life, freedom from torture, freedom from inhuman and degrading treatment, right to fair trial and presumption of innocence and non-recruitment of children.

10. Under international law, including human rights law, the State may be held generally responsible for the wrongful conduct of non-State individuals or groups when the latter are acting in “complete dependence” on the State.²⁷³ A State might also be held responsible in cases in which non-State individuals or groups act on its instructions or under its direction or its “effective control”²⁷⁴ and also when its own agents acknowledge and adopt the conduct of non-State groups.²⁷⁵ States must investigate the use of lethal force by their agents, particularly

²⁷¹ Child Act (2008), §§ 9, 12, 14, 15, 19, 31 and 36. See also SPLA Act (2009), § 22(2).

²⁷² Geneva Convention Act, 2012.

²⁷³ International Court of Justice (ICJ), *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment, 2007 paragraphs 392, 399.

²⁷⁴ International Law Commission, *Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts*, Article 8, See also ICJ, *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Merits, Judgment, 1986 paragraphs 109-110; and *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment, 2007 paragraphs 400, 401.

²⁷⁵ International Law Commission, *Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts*, Article 11. In its General Comment No. 3 on the African Charter on Human and Peoples’ Rights: The Right to Life (Article 4), the African Commission on Human and Peoples’ Rights expressed the view that a State could be held responsible for killings by non-State actors if it approved, supported or acquiesced in those acts. See also the Report on the Commission of Inquiry on Burundi, September 2017 (A/HRC/36/54), paragraphs 23-27.

those involved in law enforcement.²⁷⁶ For State investigations to be effective, they must be as prompt as possible, exhaustive, impartial, independent and open to public scrutiny.²⁷⁷ The African Commission on Human and Peoples' Rights has explained that a "state can be held responsible for killings by non-state actors if it approves, supports or acquiesces in those acts or if it fails to exercise due diligence to prevent such killings or to ensure proper investigation and accountability".²⁷⁸

11. The government of South Sudan bears the primary duty to protect and safeguard the well-being of its citizens through obligations it has voluntarily assumed under both domestic and international law. Non-state actors ("armed groups") may not be parties to such international human rights treaties, though are nevertheless obligated to respect the fundamental human rights of persons when such actors exercise de facto control over territory or persons, and such groups have additional obligations under international humanitarian law in times of armed conflict.²⁷⁹

C. Starvation

12. Protection of the population from starvation is a well-established norm under both treaty and customary international law binding on all belligerents, including non-state actors. Customary and treaty law prohibit impeding or the diversion of humanitarian assistance. South Sudan is a state party to the four Geneva Conventions of 1949 and the three Additional Protocols of 1977 and 2005.²⁸⁰ Of particular relevance to the non-international armed conflict in South Sudan are Common Article 3 to the Geneva Conventions and Articles 14 and 18 of Additional Protocol II to the Geneva Conventions, which prohibit the starvation of civilians or rendering useless objects indispensable for their survival and diversion of humanitarian assistance. Once the threshold for the application of Common Article 3 to the 1949 Geneva Conventions has been reached, the provisions which operate to protect the victims of war continue to apply even when there may appear to be periods of calm.²⁸¹

13. All parties to the conflict in South Sudan are bound by the relevant rules of customary international law applicable in non-international armed conflict.²⁸² These include requirements that parties to such conflicts must at all times abide by the principles of distinction, proportionality and precaution in attack.²⁸³ Belligerents have an obligation to ensure that civilians are humanely treated and to hold criminally accountable those individuals and entities who may be responsible for violations of this obligation.

14. The Republic of South Sudan is bound by Article 25 of the Universal Declaration of Human Rights which guarantees the right to food as part of an adequate standard of living. As a state party is also bound by the provisions of the African Charter on Human and Peoples' Rights. While there is no express provision in the African Charter on Human and Peoples' Rights which guarantees the right to food, the African Commission on Human and Peoples' Rights

²⁷⁶ See the United Nations Principles on the Effective Prevention and Investigation of Extra-Legal, Arbitrary and Summary Executions, adopted on 24 May 1989 by the Economic and Social Council Resolution 1989/65, paragraphs 9, 10, 17.

²⁷⁷ See, for example, Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Humanitarian Law, 2005.

²⁷⁸ Paragraph 9 of General Comment No. 3 on the African Charter on Human and Peoples' Rights: The Right to Life (Article 4), adopted during the 57th Ordinary Session of the African Commission on Human and Peoples' Rights held from 4 to 18 November 2015 in Banjul, The Gambia.

²⁷⁹ See for a full discussion the Commission's 2018 Report A/HRC/37/CRP.2, paras. 99-137.

²⁸⁰ South Sudan ratified the Four Geneva Conventions and their Additional Protocols on 25 January 2013; they entered into force for South Sudan on 25 July 2013.

²⁸¹ The ICRC 2016 *Commentary on the First Geneva Convention* (Cambridge, Cambridge University Press, 2016) on the criteria of intensity and organization required for Article 3 to be applicable, see p. 141, para. 387; pp. 174-175, paras. 414-444, 484. See also Gabriella Venturini, "The Temporal Scope of the Conventions", in A. Clapham, P. Gaeta, and M. Sassòli, (eds), *The 1949 Geneva Conventions: A Commentary*, (Oxford, Oxford University Press, 2015) 51-66, at 61.

²⁸² ICRC, *Study on Customary International Humanitarian Law*, Rules 1-24.

²⁸³ *Ibid.*

Rights has stated that the “Right to food is implicitly protected under the African Charter on Human and Peoples’ Rights through the right to life, the right to health, and the right to economic, social and cultural development”. In one of its decisions on Sudan, the Commission concluded that: “even if Sudan is going through a civil war, civilians in areas of strife are especially vulnerable and the state must take all possible measures to ensure that they are treated in accordance with international humanitarian law”.²⁸⁴ Further, in its earlier decision on Chad, the Commission had also noted that “the African Charter, unlike other human rights instruments, does not allow for state parties to derogate from their treaty obligations during emergency situations. Thus, even a civil war in Chad cannot be used as an excuse by the state violating or permitting violations of rights in the African Charter”.²⁸⁵

15. At the national level, the right to food may be construed by Articles 9(3) and 11 of the Constitution which guarantee both the domestic application of international human rights instruments to which South Sudan is a state party and the right to life and human dignity, respectively. The interdependence, indivisibility and interrelated nature of all human rights form another basis of the recognition of the right to food. It can therefore be inferred that both the state of South Sudan and armed opposition groups are bound to respect and fulfil their human rights and humanitarian law obligations under national, regional and international instruments and especially those that guarantee access to food, prohibit starvation of civilians and denial of access to humanitarian assistance in armed conflict.

D. Sexual and gender-based violence

16. Incidents of sexual and gender-based violence and conflict-related sexual violence with respect to South Sudanese women and girls have rarely been investigated and prosecuted with women and girls being left without extremely limited redress, not being able to bring perpetrators to justice and unable to obtain reparation for harm suffered. Access to justice for victims of rape and other forms of sexual violence remains a challenge as rape cases rarely find their way before the statutory courts and are usually brought before customary courts which have an inherent gender bias and seldom hold male perpetrators sufficiently accountable for crimes committed.²⁸⁶ In general, there is a trust deficit among women towards government institutions including the police, the statutory and the customary law courts, which are considered prejudiced against females.²⁸⁷ Sentences meted out in these institutions including but not limited to compensation in the currency of cattle or monetary compensation are in most cases unsatisfactory and disproportionate to the crimes committed. While perpetrators may be fined for these serious crimes, in some instances victims are compelled by both families to marry the perpetrator, increasing trauma and suffering of the victims.²⁸⁸

17. Despite this lack of serious commitment by the government of South Sudan and armed opposition groups to prevent, investigate and punish sexual and gender-based crimes, the Republic of South Sudan and armed opposition groups are both under national and international obligations to prevent and punish such crimes. Article 3 to the Geneva Conventions, while it does not explicitly mention specific forms of sexual violence, prohibits “violence to life and person” including cruel treatment and torture and “outrages upon personal dignity”.²⁸⁹

18. South Sudan has also acceded to several international and regional human rights instruments that reaffirm the rights of women and girls to equality and dignity both in times of war and peace. It has acceded to the United Nations Convention on the Elimination of All

²⁸⁴ Amnesty International & Others v Sudan (2000) AHRLR 297 (ACHPR 1999). Para 50.

²⁸⁵ Commission Nationale des Droits de l’Homme et des Libertés v Chad (2000) AHRLR 66 (ACHPR 1995) para 21.

²⁸⁶ Justice Africa, “Justice in Practice: South Sudan”, Spring 2015.

²⁸⁷ What Works to Prevent Violence against Women and Girls consortium, “No safe Place: A lifetime of violence for conflict-affected women and girls in South Sudan”, 2017; Justice Africa, “Justice in Practice: South Sudan”, Spring 2015.

²⁸⁸ What Works to Prevent Violence against Women and Girls consortium, “No safe Place: A lifetime of violence for conflict-affected women and girls in South Sudan”, 2017.

²⁸⁹ See also Rule 93 of Rape and other forms of sexual violence

Forms of Discrimination against Women,²⁹⁰ the United Nations Convention against Torture²⁹¹ and the Convention on the Rights of the Child.²⁹² Is also a party to the African Charter on Human and Peoples' Rights and has signed but not ratified the Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Rights of Women in Africa (Maputo protocol).²⁹³ These instruments guarantee equal rights and dignity for both women and men, equality before the law, dignity, prohibition against early and forced marriage and any form of harmful practice and discrimination on the basis of sex or gender. At the domestic level, the laws of South Sudan, including most notably the Transitional Constitution (2011) guarantee the right to equality before the law for all persons. Further, the Child Act (2008) guarantees protection from sexual abuse and exploitation.²⁹⁴ The Penal Code of South Sudan prohibits rape and abduction of women for the purpose of early marriage or sexual abuse, respectively.²⁹⁵

19. In its General Recommendation 35, the CEDAW Committee concluded that “women’s right to a life free from gender-based violence is indivisible from and interdependent on other human rights, including the rights to life, health, liberty and security of the person, equality and equal protection within the family, freedom from torture, cruel, inhumane or degrading treatment, and freedom of expression, movement, participation, assembly and association.”²⁹⁶ The Committee further noted that “States parties are responsible for preventing such acts or omissions by their own organs and agents, including through . . . investigating, prosecuting and applying appropriate legal or disciplinary sanctions, as well as providing reparation, in all cases of gender-based violence against women, including those constituting international crimes, and in cases of failure, negligence or omission on the part of public authorities.”²⁹⁷ Based on the preceding, the government of South Sudan and armed opposition groups both have an inherent obligation to prevent, investigate and punish sexual and gender related crimes that may be committed by individuals and entities affiliated with either party to the conflict.

E. Freedom of expression, opinion and assembly, arbitrary arrest and detention

20. The responsibility of the government to promote and protect democratic space and foster an inclusive political environment, including through freedom of expression, peaceful assembly and association is a hallmark of the State’s duty to uphold justice and the rule of law. These violations do not occur because South Sudan lacks a sound legal system or the absence of national and international legal frameworks to prevent and punish them, but rather should be attributed to the on-going and entrenched impunity across state institutions and leadership, which allow those in positions of authority to act in flagrant disregard for the law in the belief that they will not be held accountable for their acts.

21. South Sudan is a party to wide range of regional and international instruments which reaffirm the right to freedom of expression, opinion and assembly. It is a party to the Convention on Elimination of all Forms of Discrimination against Women and its Optional Protocol which guarantee, among others, the fundamental rights and freedoms for both men and women including freedom of expression, assembly and opinion. While South Sudan has not yet finalized accession to the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR), which protects freedom of expression in Article 19, the Convention has been ratified by the TNLA and it is awaiting depositing with the Secretary General. Further, South

²⁹⁰ Acceded to in 2015.

²⁹¹ Acceded to in 2015.

²⁹² Acceded to in 2015.

²⁹³ Signed in 2013.

²⁹⁴ Section 26, Child Act 2008: “Every female child has a right to be protected from sexual abuse and exploitation and gender-based violence, including rape, incest, early and forced marriage, female circumcision and female genital mutilation”.

²⁹⁵ Sections 247 and 273, respectively.

²⁹⁶ Committee on the Elimination of Discrimination against Women, General recommendation No. 35 on gender-based violence against women, updating general recommendation No. 19.

²⁹⁷ Ibid, para 23.

Sudan has ratified the African Charter on Human and Peoples' Rights which recognizes under Article 9 the right to receive information and to express and disseminate opinions within the law. In one of its decisions, the Commission has concluded that "arbitrarily arresting and detaining journalists, seizing magazine publications because they are critical of the government, closing media houses, and establishing prohibitive registration requirements amount to violations under the African Charter."²⁹⁸

22. Within domestic law, the Transitional Constitution (2011) enshrines in Article 24 the right to freedom of expression, reception and dissemination of information, publication, and access to the press without prejudice to public order, safety or morals as prescribed by law. The Media Authority Act (2013) also enshrines principles of freedom of the press including reiterating Article 24 of the Transitional Constitution and stating that the law will promote freedom of expression, a diverse range of media services which serve South Sudan's national languages, ethnic beliefs and cultures of the communities, and enhance the right of the public to know through promoting pluralism and a wide variety of publications and programming. It further provides that free media representing all groups and divisions of society shall be protected as essential to democracy, giving independent scrutiny of Government, and will be protected from censorship and against journalists having to reveal their source.²⁹⁹

23. Based on the above, the government of South Sudan has an inherent obligation to protect and fulfil its obligations enshrined in both national laws and international human rights instruments which guarantee the rights to freedom of expression, opinion and assembly that it has voluntarily assumed. The government has a responsibility to ensure that citizens and journalists can access and disseminate information without fear or intimidation from individuals and state-controlled entities such as the National Security Services or Media Authority. It is incumbent on the government of South Sudan to ensure that individuals and entities that violate these rights and freedoms enshrined in the law are held accountable within the established institutional and legal framework.

F. Enforced disappearance, abduction and torture

24. Enforced disappearance violates one's right to recognition as a person before the law and to liberty and security and freedom from arbitrary detention, including the right to be brought promptly before a judge or other official for review of the lawfulness of detention. Enforced disappearance may also be associated with torture and other forms of cruel, inhuman or degrading treatment and extrajudicial execution, in violation of the right to life, prohibition on torture and other forms of cruel, inhuman or degrading treatment, and may further lead to violations of the right to life.

25. Customary international humanitarian law further prohibits arbitrary deprivation of liberty,³⁰⁰ and requires parties to a conflict to keep a register of those deprived of their liberty,³⁰¹ to respect detainees' family life, to permit detainees to receive visitors, and to allow correspondence between detainees and their families.

26. Parties to a conflict must also take all feasible measures to account for persons reported missing as a result of the conflict and make efforts to provide family members with any information it has on their fate. Fundamental to the finding of a crime of enforced disappearance is a refusal to acknowledge the arrest, detention or abduction, or to give information on the fate or whereabouts of such person or persons.³⁰² The Committee on

²⁹⁸ African Commission on Human and Peoples' Rights, *Media Rights Agenda et al. v. Nigeria*, Communications 105/93-128/94-130/94-152/96, 31 October 1998.

²⁹⁹ See also "Response to NRA complaint against Eye Radio" Letter from the Managing Director of the Media Authority, December 17, 2019. On file with the Commission. The letter reiterates the fact that journalists are not required to disclose the sources of information obtained upon promise of confidentiality.

³⁰⁰ ICRC Rule 99.

³⁰¹ *Ibid.*, at Rule 123.

³⁰² *Elements of Crimes*, International Criminal Court (ICC), 2011, at Article 7(1)(i).

Enforced Disappearance has concluded that enforced disappearance can constitute acts of torture within the meaning of Article 1 of the UN Convention against Torture.³⁰³

27. Article 9(2) of the Convention on Enforced Disappearance provides for command responsibility for those with direct or indirect oversight over their subordinates who fail to prevent and punish the crime of enforced disappearance. Article 6 creates an obligation for states parties to establish competence to exercise jurisdiction over enforced disappearance when an alleged perpetrator is on its territory. Suspected perpetrators of enforced disappearance in South Sudan can face accountability for this crime in states exercising jurisdiction over this crime when committed abroad.

28. With regard to torture, as recently noted by the UK Supreme Court, “A person acting in an official capacity” includes “a person who acts or purports to act, otherwise than in a private and individual capacity, for or on behalf of an organisation or body which exercises, in the territory controlled by that organisation or body and in which the relevant conduct occurs, functions normally exercised by governments over their civilian populations. Furthermore, it covers any such person whether acting in peace time or in a situation of armed conflict.”³⁰⁴ Individuals from multiple armed groups in South Sudan may be considered to have acted or are acting in an ‘official capacity’ and thus their acts are potentially prosecutable as torture in the many jurisdictions around the world that exercise jurisdiction over extraterritorial torture.

³⁰³ See Committee on Enforced Disappearances (CED), Communication No. 456/2011, *Hernández v. Bolivia*, Views adopted on 15 May 2015, para 6.6.

³⁰⁴ *R v TRA (Appellant)* [2019] UKSC 51, at para. 76.

Annex IV

Armed State actors (command structures)

The Armed Forces in South Sudan

The Armed Forces of South Sudan was established pursuant to the SPLA Act of 2009 and organized, equipped and manned through issuance of Presidential Decrees issues by the President of Sudan. On 2 October 2018, President Kiir issued Republican Order No. 18/2018 changing the name of the South Sudan People's Liberation Army (SPLA) to the South Sudan People's Defense Forces (SSPDF).

The Act provided that the SPLA shall be organized with active and reserve forces. The active forces shall consist of the following:

- (a) the ground forces;
- (b) the air force; and
- (c) the riverine forces.

The active force shall be organized into divisions, brigades, battalions, companies, platoons and squads, organized into combat units, combat support and service support units and shall be under the direct command and control of such officers as may be assigned by the appropriate authority.

The command and control of the SPLA begins with the President who is also the Commander-in-Chief and who shall have the powers to commission, promote, retire or dismiss officers of the SPLA. Under the Act, the President has the following powers:

1. determine the political and military objectives of the SPLA;
2. issue political and executive directives to the Minister;
3. Appoint the Chief of General Staff in consultation with the Vice President of the Government of Southern Sudan, on the recommendation of the Minister;
4. issue military orders to the Chief of General Staff;
5. Appoint Deputies to the Chief of General Staff, directors of branches, armed service division commanders in consultation with the Minister and Chief of General Staff;
6. commission officers, and, grant promotion to general officers and delegate the promotion of other officers to the Chief of Staff;
7. convene a General Court Martial when appropriate;
8. commute sentences and pardon officers and other ranks sentenced by courts martial; and
9. declare a general mobilization and take appropriate measures in consultation with the Southern Sudan Legislative Assembly or request the declaration of the state of emergency in the whole or part of Southern Sudan in accordance with the provisions of Article 199 (2) of the ICSS.

The Command Council is a consultative body mandated by law to provide advice to the President. It consists of the Commander-in-Chief, the Minister of SPLA Affairs, the Deputy Commander in Chief, the Chief of General Staff, the Under Secretary of the Ministry of SPLA Affairs, Deputies of the Chief of General Staff, directors of branches, armed services and division commanders. The Council shall have a secretariat located at the SPLA Headquarters. The Command Council shall have a secretariat located in the SPLA.

The Chief of General Staff shall be responsible for the following:

1. the preparation of the SPLA military strategy and programs on the directives of the Command Council to organize and modernize the SPLA to ensure its ability to carry out its mission;

2. the organization of the SPLA forces into combat units, combat support and service support units and staff;
3. the determination of personnel, military equipment and material requirements; in consultation with his or her Staff Command.
4. the recruitment, training and education of military personnel and management of their assignments and careers;
5. the development of operational plans, deployment of forces and command of the SPLA on behalf of the Commander-in-Chief;
6. ensuring the sustenance of operational units through the distribution, management and maintenance of military equipment, hardware, material and facilities;
7. enhancing the morale and welfare of the SPLA personnel;
8. ensuring the combat readiness of the SPLA forces;
9. making recommendation to the Commander-in-Chief, of officers for commissioning and promotion in accordance with established regulations and procedures governing promotion;
10. convening a General Court Martial when appropriate;
11. the development of the necessary military rules, regulations and standing operating procedures for the purpose of effective and efficient management of the forces;
12. the recommendation for appointment of the staff branch Directors to the Commander -in-Chief, in consultation with the Minister;
13. the assignment of senior officers to various SPLA brigades, battalions and specialized units as shall be directed by the Commander-in-Chief;
14. the development and supervision of research and development capabilities;
15. determination of the number and the quality of civilian employees required to serve in the SPLA and submission of the same to the Minister for approval and appointment; and
16. any other function as shall be delegated to him or her by the President and Commander-in-Chief, the Minister, this Act and regulations.

The Deputies of the Chief of General Staff shall:

1. assist the Chief of General Staff in preparing and executing strategic plans, coordinating and supervising the activities in their respective areas of responsibilities; and
2. prepare briefings and submit regular reports on their activities to the Chief of General Staff.

As noted, the SPLA was renamed SSPDF for “South Sudan People’s Defence Forces” on 2 September 2018. The Chief of Staff of the SSPDF is **Lt Gen Gabriel Jok Riak**, who was appointed in May 2018. He directly commands and controls the ground forces through the Commander of the Ground Forces **LT Gen Santino Deng Wol**.

South Sudan is divided between three “Corps-level” commands called “Sectors,” each commanded by a Lieutenant General, answerable to the Commander-in-Chief via the Chief of the General Staff. Each Sector had several subordinate Divisions, Brigades and Battalions.

There are nine divisional light infantry formations of the ground forces deployed nationwide with specific areas of operation and established headquarters, as follows:

- Division 1 in Renk, Upper Nile commanded by Mgen James Wijong
- Division 2 in Owachi, Malakal in Eastern Nile State commanded by MGen Akol Majok
- Division 3 in Wunyik, Northern Barh El Ghazal commanded by MGen Butros Bol Bol (MGen Dau Aturyong, earlier)

- Division 4 in Rubkona, Unity State commanded by MGen Samson Lual
- Division 5 in Wau, in Wau State commanded by MGen Keir Kiir Keir (MGen William Gum later part of 2019)
- Division 6 in Maridi, Western Equatoria commanded by MGen Johnson Juma Okot
- Division 7 in Torit commanded by MGen Victor Odong
- Division 8 in Bor, Jonglei State MG Malual Majok
- Division 10 recently deployed in Panachier, Warrap State, commanded by MGen Garang Mading

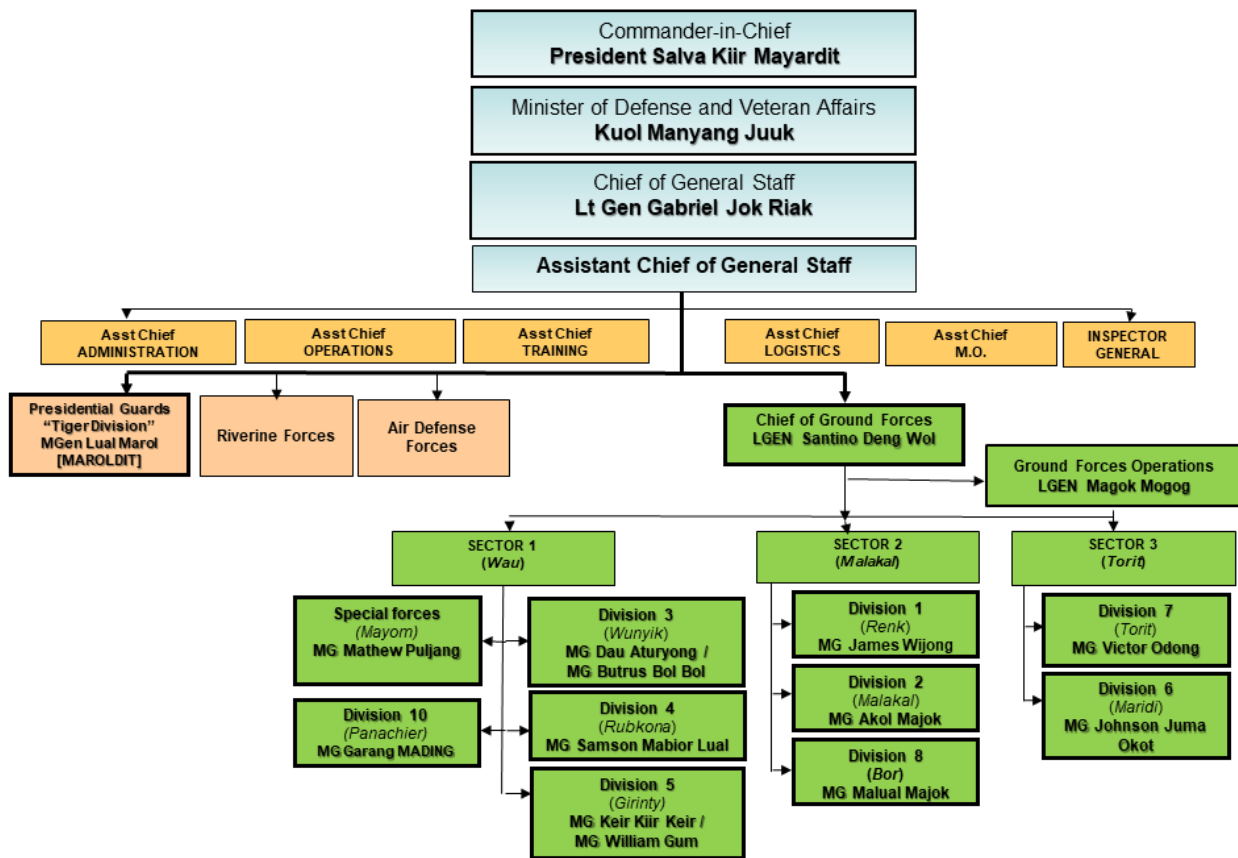
There is further a Special Forces unit with four brigades under MG Mathew Puljang based in Mayom, Unity State. The Presidential Guards, known as the “Tiger” Division and commanded by MGen Lual Marol [MAROLDIT] is headquartered in BILPAM in Juba (also known as the Jamus) with some of its forces believed to be deployed in strategic areas in the country.

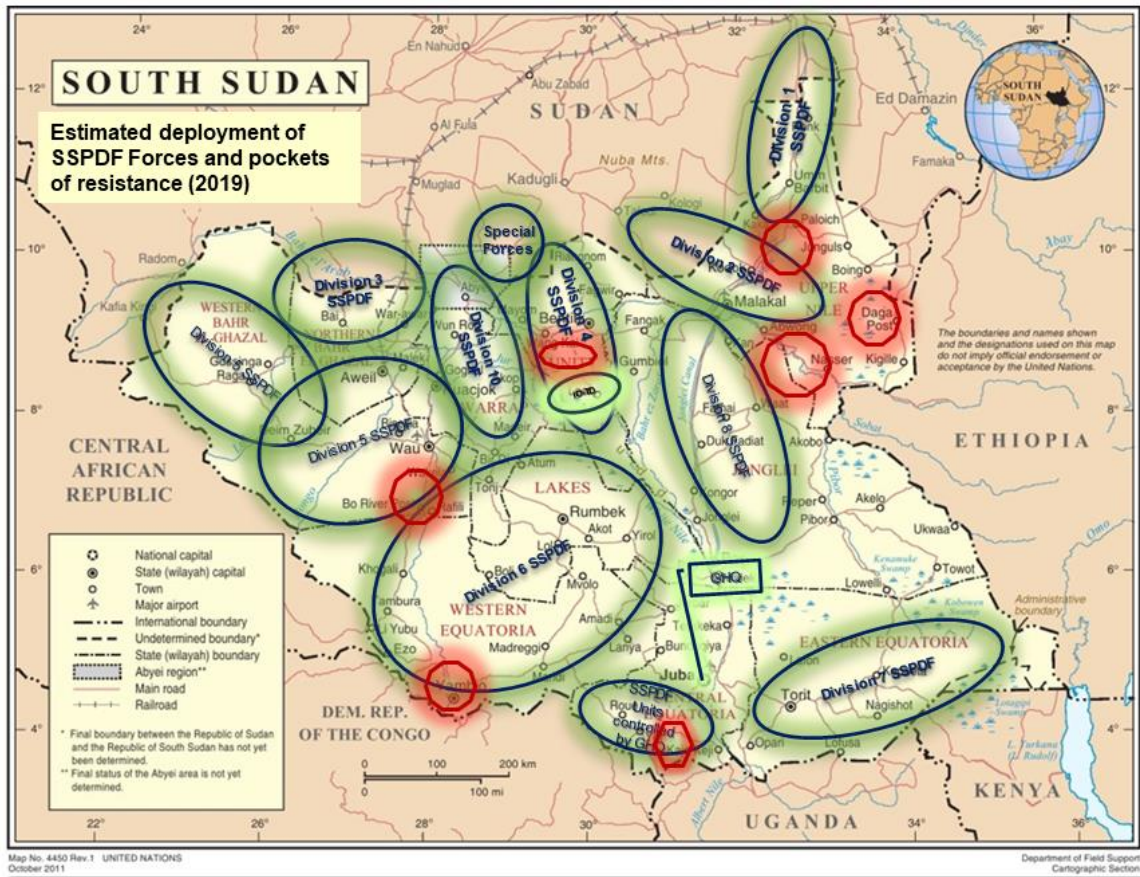
In May 2017, President Kiir issued Presidential Decrees restructuring the SPLA into three branches, namely: the ground force, air force and air defense Forces and Naval Forces. Each of the institutions was to be overseen by a commandenother Presidential Decree calls for the restructuring of the General Staff consisting of the following: The Commander in Chief, the Minister of Defense and Veteran Affairs, the Chief of Defense force, the Deputy Chief of Defense force and Inspector General. The same Decree abolished the previous structure, where deputy chief of general staff is now assistant chief of general staff and renaming the deputies to assistants.

Command and Control of SSPDF and Estimated Deployment in 2019 are as follows:

SSPDF General Staff and Defense Forces

December 2019

Annex V

Armed non-State actors (estimated deployment until 31 December 2019)

